



1914

СОВРЕМЕННАЯ
ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ
ПОЭЗІИ

ПЕТРОГРАДЪ

© Г.Л. Михайлов 1914

НА ПОМОЩЬ ПОЛЬШІ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ

РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕТРОГРАДЪ
1915



Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Эртельевъ, 13



СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАН.
Отъ составителя	XIII
Славянство.	
Общеславянский гимнъ. «Гей, славяне». Леонида Афанасьева	1
Славянский гимнъ. Александра Бахирева	3
Сербскій национальный гимнъ. Леонида Афанасьевы	4
Молитва славянъ. Н. Б. Хвостова	6
Славянамъ. Ем. Голицына-Муравліна	7
Славянские орлы. Ив. Соколова	8
Славянская стража. Дмитрия Веруна	10
Сербская пѣсня. Н. А. Карпова	12
Домбровна. И. Пересвѣтова	13
Болгарамъ. Н. К. Савенко-Новоспасской	15
Галицкая Русь.	
Галиции. Н. Б. Хвостова	16
Гроза. В. Опочинина	18
Сонетъ Червонной Руси. А. Мейснера	19
Галицкая пѣсня. Георгія Иванова	20
«Ночи темны, тучи грозны...» И. Пересвѣтова	22
На взятие Львова. Н. К. Савенко-Новоспасской	24
Воинамъ южной дружины. Михаила Баллясного	25
Польша.	
Наша младшая сестра. Т. Щепкиной-Куперникъ	26
Стансы Польшѣ. Федора Солонуба	28
Польшѣ. Валерія Брюсова	30

	СТРАН.
<i>Братьяма. Федора Солоцуба</i>	32
<i>Защита Варшавы. Ю. В. Ревякина</i>	33
<i>Въ Ченстоховѣ. В. И. Рябова-Больского</i>	34
<i>Польшѣ. Бенедикта</i>	35
<i>Польшѣ. Сергея Копыткина</i>	36

Война.

<i>Стансы о войнѣ. Дмитрия Цензора</i>	37
<i>Надь миромъ смерти. Н. Кашиллинской</i>	39
<i>Послѣдняя война. Валерия Брюсова</i>	40
<i>Воронъ къ ворону летитъ. А. Измайлова</i>	42
<i>Благословеніе. Июра Стverякіна</i>	46
<i>На начинающаго Богъ. Федора Солоцуба</i>	47
<i>18 июля 1914 года. М. Веселковой-Кильштетъ</i>	48
<i>Война. В. Мазуркевича</i>	49
<i>Война за миръ. Влад. Гиляровскаго</i>	50
<i>Впередъ. Т. Соколовской</i>	52
<i>Четырнадцатый годъ. Сергея Копыткина</i>	53
<i>Цвѣта войны. Н. Минская</i>	55
<i>Ушли... М. Веселковой-Кильштетъ</i>	57
<i>Съ войны. Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	59
<i>Ночная молитва. Ю. В. Ревякина</i>	60
<i>Въ избѣ лѣсника. Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	63
<i>Война. Князя Федора Касаткина-Ростовскаго</i>	65
<i>Въ дни войны. Сергея Копыткина</i>	66
<i>Братскія могилы. М. Веселковой-Кильштетъ</i>	67
<i>Пѣснь о смерти. Дмитрия Цензора</i>	69
<i>Первые панихиды. Евгения Рышкова</i>	71
<i>Плѣннымъ. Танкреда</i>	72
<i>Пѣсня надь рубашкой. Т. Щепкиной-Куперникъ</i>	73
<i>Образокъ. Вл. П. Лебедева</i>	76
<i>Закружился, словно выюга... А. Волынцевой</i>	77
<i>Срѣтенье царя. Сергея Городецкаго</i>	78
<i>Спаси, Господи, люди твоя... А. Случевской-Боростовецъ</i>	80
<i>Листокъ осенній цвѣта крови... Якова Година</i>	81
<i>На безумныхъ враговъ человѣка... Л. Андрусона</i>	82

	СТРАН.
Боевая. Як. Окунева	83
Подводная лодка. В. Венюова	85
Мародеръ. Серпъя Михнева	87
Старый вопросъ. Валерия Брюсова	89

Родина.

Съ нами Богъ! Н. Б. Хеостави	91
О Русь! Маули	92
Русь. Евгении Нампличенко	94
Salute. Мих. Андреева	96
Ушли. Ив. Соколова	97
Нашишь дѣтямъ. Таттаки Берхмана	98
Разговоръ съ миролюбцемъ. П. Гриневской	100
Сонетъ Петрограду. А. Мейснера	102

Казаки.

Въ станицѣ. В. Опочинина	103
Ночлегъ казаковъ. С. Толстова	105
Казачья пѣсня. Н. Аляизцева	108
Сторожевой пикетъ. Тихобережская	110
Голосъ Дона. Владимира Войнова	111

Герои.

Памяти князя Олега Константиновича. Вл. Жуковского	117
Героямъ. В. Рутковская	118
Радко-Дмитреву. Н. К. Савенко-Новоспасской	120
Миръ павшимъ. Вл. Краковецкая	121
«Въ бою». Князя Федора Гисаткина-Ростовского	123
Памяти Нестерова. А. Рославleva	125
Пѣснь о Нестеровѣ. Вл. Черевкова	126
На смерть летчика. Г. Галиной	127
Бѣлая одежда. Н. Тэфи	128

Мать.

Послѣднее прощанье матери. Н. Гриневской	129
Мать. В. Вадимовой	130

	СТРАН.
Я четыре сына въ мукахъ родила... <i>Наталія Грушко</i>	132
Орина, мать солдатская. <i>Ал. Дрождиніна</i>	133
Колыбельная. <i>Бенедикта</i>	136

Сестра милосердія.

Сестра. <i>ІІ. Вилде</i>	138
Сестра. <i>Дмитрія Цензора</i>	140
О—га А—на. <i>А. Мейснера</i>	142
Сестра милосердія. <i>А. Воїна</i>	143

Англія.

Пѣснь британца. <i>Василія Князєва</i>	145
Шотландская пѣсня. <i>А. Д'Актиля</i>	147

Бельгія.

Брабансона. Переводъ <i>В. К.</i>	149
Бельгійский национальный гимнъ. <i>Леоніда Афанасієва</i>	150
Бельгіи. <i>Т. Щепкіної-Куперникъ</i>	152
Бельгія. <i>А.Л. Рославлеві</i>	154
Бельгіи. <i>И. Тимковськаю</i>	155
Бельгійцамъ. <i>Мілія Стреміна</i>	157
Антвірпенъ паль. <i>Дмитрія Цензора</i>	159
Утѣшеніе Бельгіи. <i>Федора Солоууба</i>	160
Антвірпенъ. <i>Александра Блока</i>	162
Три креста. <i>З. Гіппусь</i>	164
Антвірпенъ. <i>Вл. Краковецькаю</i>	165
Льежъ. <i>Владимира Воїнова</i>	166
Бельгійская колыбельная. <i>Арк. Бухова</i>	169
Брюгге. <i>Т. Щепкіної-Куперникъ</i>	172

Франція.

Парижу. <i>Дмитрія Цензора</i>	175
Парижъ. <i>Д. Коковцова</i>	178
Реймсскому собору. <i>А. Мейснера</i>	180
Реймсскій соборъ. <i>Э. Ростана. Переводъ Н. Минекто</i>	181
Гибнущая святыня. <i>Н. Архангельськаю</i>	182

	СТРАН.
Разрушение Реймсского собора. <i>А. Рославлева</i>	841
Соборъ Богоматери <i>А. Липецкаго</i>	185
Реймский звонарь. <i>А. Измайлова</i>	186

Враги.

Вильгельмъ Второй. <i>Федора Солонуба</i>	190
Тевтону. <i>В. Уманова-Капуновскаго</i>	191
Видѣніе кайзера. <i>Сергея Копыткина</i>	193
Подъ гнетомъ проклятій... <i>Ф. Е. Зарина-Несвицкаго</i>	195
О чемъ пѣла флейта. <i>Донъ-Аминадо</i>	197
Вы можете разрушить башни... <i>М. Кузмина</i>	199
Забытый. <i>Потемкина</i>	200
Въ караулѣ. <i>Танкреда</i>	202
Въ молитвѣ. <i>Танкреда</i>	204

Юморъ и сатира.

Подъ полумѣсяцемъ Босфора. <i>А. Мейснера</i>	205
Въ Берлинѣ. <i>Мистика</i>	207
Серенада. <i>П. Г.</i>	209
Ученая армія. <i>Weda</i>	211
Басенка. <i>М. Стремина</i>	213
Нео-русскіе классики. <i>В. Барятинскаго</i>	214
Басни Крылова. И. Тришкинъ кафтанъ. — И. Наиралина. <i>А. Измайлова</i>	216
Вольное подражаніе Лермонтову. <i>С. Толстова</i>	218
Дружеская переписка. <i>Донъ-Базило</i>	219
Пожаръ. <i>Танкреда</i>	221
Телеграммы — и картины... <i>Танкреда</i>	223
<i>Der Porotino. В. Барятинскаго</i>	225
Гордость Германіи. <i>Хафизи</i>	229
Гуси. <i>А. Измайлова</i>	233
Конецъ Германіи. <i>Оникроня</i>	234
Что думаетъ Вильгельмъ II, когда ему не спится. <i>В. Мазуркевича</i>	237
Обычное явленіе. <i>В. Мазуркевича</i>	238
Ни Богу свѣчка, ни черту — кочерга. <i>Яш</i>	239

	СТРАН.
Герцогиня Люксембурга. <i>Василія Князева</i>	241
На Зигесь-алле. <i>Weda</i>	242
Изъ «Сенсаций» мадамъ де-Курдюковой. <i>Бенедикта</i>	244
Изъ тетради пародий. Гренадеры. <i>Сара Гей</i>	246
Тризна большихъ похоронъ. <i>Арк. Бухова</i>	248
Австрійская колыбельная пѣсня. <i>Weda</i>	251

Народное творчество.

I. Мобилизация и сборы на войну	253
1. Не думалось—пришло	253
2. Фабричная	255
3. Тюремная	256
II. Война	—
1. Утромъ рано на развѣтѣ	—
2. Пѣсня	258
III. Женскія частушки	259
IV. Сатира	261
1. Нѣмецъ пивомъ облакался	261
2. Вотъ такъ нѣмцы, ой-да ну	262
3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца	263
4. Похлебали каши съ щами	—
5. Закрутывши кверху усы	264
6. Нѣмчера совсѣмъ зазнался	265
7. Какъ пришли мы за границу	266
8. Подобрали нѣмцы штаны	266
9. Сучья дочь Германия	267
10. Нѣту, нѣту фонаря	—
11. Государевымъ приказомъ	—

Добавление.

Благовѣсть боя. <i>К. Бальмонта</i>	269
Передъ германскимъ посольствомъ. <i>Бориса Садовского</i>	270
Болгарамъ. <i>Сергія Маковского</i>	272
Воскресные богатыри. <i>Аполлона Коринфской</i>	273
Утѣшеніе. <i>Анны Ахматовой</i>	276

**Алфавитный указатель авторовъ, произведенія которыхъ
вошли въ эту книгу.**

Агнинцевъ, И.	108.
Лондреевъ, Мих.	96.
Андрусонъ, Л.	82.
Архангельскій, Н.	182.
Афанасьевъ, Леонидъ	1, 1, 150.
Ахматова, Анна	276.
Балысныи Мих.	25.
Барятинскій, В.	211, 225.
Бахиревъ, Александръ	2.
Бенедиктъ	35, 136, 211.
Берхманъ	98.
Блюсь, Александръ	162.
Брюсовъ, Валерій	30, 40, 89.
Буховъ, Арк.	169, 248.
Вадимова, В.	130.
Вегеновъ, В.	85.
Вергунъ, Дмитрій	10.
Веселкова-Кильштегъ, М.	48, 54, 67.
Вильде, П.	138.
В. К.	149.
Вонинъ, А.	143.
Волынцева, А.	77.
Wega	211, 242, 251.
Галина, Г.	127.
Гилляровскій, Вл.	50.
Гиппиустъ, З.	161.
Годинъ, Яковъ	91.
Голицынъ-Муравлинъ, кн.	7.
Городецкій, Сергѣй	78.
Гриневская, И.	100, 129.
Грушко, Наталія	132.
Д'Актиль, А.	147.
Донъ-Аминадо	197.
Донъ-Базилло	219.
Дрождининъ, Ал.	133.
Жуковскій, Вл.	177.
Заринъ-Несвицкій, Ф. Е.	195.
Ивановъ, Георгій	20.
Измайлова, А.	42, 186, 216, 233.
Карповъ, Н. А.	12.
Касаткинъ-Ростовскій, кн. Федоръ	59, 63, 65, 123.
Кашгалинская, Н.	39.

Князевъ, Василій	145, 211.
Коковцовъ, Д.	178.
Копыткінъ, Сергѣй	36, 53, 66, 193.
Коринфскій, Апол.	273.
Краковецкій, Вл.	121, 165.
Кузминъ, М.	199.
Лебедевъ, Вл. П.	76.
Липецкій, А.	185.
Мазуркевичъ, В.	49, 237, 238.
Маугли	92.
Мейснеръ, А.	19, 102, 142, 180, 205.
Мінскій, Н.	55.
Мистикъ	207.
Намѣтниченка, Евгения	94.
Окуневъ, Як.	83.
Омікронъ	234.
Опочинінъ, В.	103.
Пересвѣтовъ, И.	13, 22.
Потемкінъ	200.
Ревякинъ, Ю. В.	33, 60.
Рославлевъ, А.	125, 154, 184.
Рутковскій, В.	118.
Рышковъ, Евгений	71.
Рябовъ-Бѣльскій, В. П.	34.
Савенко-Новоспасская, Н. К.	15, 24, 120.
Сэръ Гей.	246.
Соколовъ, Ив.	8, 97.
Соколовская, Т.	52.
Сологубъ, Федоръ.	28, 34, 47, 160, 190.
Стремінъ, Мілій	157, 213.
Сѣверянінъ, Ігорь.	16.
Танкредъ.	72, 202, 204, 221, 223.
Тимковскій, И.	155.
Тихобережскій	110.
Толстовъ, С.	105, 218.
Тэффі, Н.	128.
Умановъ-Каліновскій, В.	191.
Хвостовъ Н. Б.	6, 16, 91.
Хафізъ	229.
Пензоръ, Дмитрій	37, 69, 140, 149, 175.
Черевковъ, Вл.	126.
Щепкина-Куперникъ, Т.	26, 73, 152.
Яго	239.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Настоящій сборникъ произведеній русскихъ поэтовъ обнимаетъ собою только часть того, что было ими написано въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ начала современной войны. Представить вниманію читателей всю русскую поэзію, посвященную этой войнѣ, не представляется возможнымъ: это заняло бы слишкомъ много места и удорожило бы настоящій сборникъ, издаваемый съ благотворительной цѣлью — на помощь Польши. Составитель сборника, имѣя передъ собою обширный материалъ современного поэтическаго военнаго творчества, взялъ изъ него, какъ ему казалось, только самое характерное, причемъ его вниманіе остановили на себѣ не только произведения ужес извѣстныхъ „признанныхъ“ поэтовъ, но и начинающихъ, молодыхъ, маловѣдомыхъ, чьи писанія находили себѣ мѣсто по преимуществу на страницахъ провинціальныхъ изданій. Въ интересахъ справочныхъ весь материалъ разбитъ на отдѣлы, согласно внутреннему содерѣжанію стиховъ и разработанной темы.

Быть можетъ, настоящій починъ найдетъ себѣ продолжателей, и тогда въ исторію русской поэтической литературы будетъ сдѣланъ своеобразный вкладъ, свидѣтельствующій, какіе моменты и какія явленія современной войны особенно вдохновляли русскихъ поэтовъ. Если въ настоящій сборникъ не попалъ кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ, то составитель приноситъ ему свои извиненія; это случилось не по какой-нибудь предвзятости, а вслѣдствіе того, что съ пропущеннымъ произведеніемъ или не удалось своевременно ознакомиться, или оно появилось въ печати послѣ того, какъ настоящій сборникъ былъ уже составленъ и сданъ въ печать.

Въ составленіи настоящаго сборника мнѣ оказали содѣйствіе своими совѣтами и указаніями: И. Н. Вентцель (Бенедиктъ), В. А. Мазуркевичъ, А. Ф. Мейснеръ, И. И. Соколовъ, В. В. Умановъ-Капуновскій, кото-рымъ и приношу мою сердечную товарищескую при-знателность, какъ равно и В. М. Шахову, помогшему материально осуществить настоящее изданіе.

Б. Глинскій.

19—Х—914.

Петропраполь.

СЛАВЯНСТВО

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ГИМНЪ.

«ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!»

(Переложение).

Гей, славяне! Днесъ свободно
Рѣчь родная льется
До тѣхъ поръ, покуда сердце
За отчизну бьется!

Живь и крѣпокъ духъ славянскій,—
Будегъ жить вѣками!
Не потушить громъ и буря
Нашей мести пламя!

Намъ языкъ дарованъ Богомъ,
Онъ исполненъ силы;
Кто же его лишить насть можетъ
Передъ тьмой могилы?

Если всѣ на свѣтѣ люди
Станутъ злы, какъ гномы,—
Намъ не страшно; съ нами Богъ нашъ,
Онъ разсыплетъ гробы!

Если даже вихорь гибельный
Въ грозной силѣ встанетъ,
Сломитъ дубъ, скалу расщепитъ,
Грудь земли изранить,—

Мы стоять все такъ же будемъ,
Мощные, какъ стѣны!
Гибель тѣмъ, кто чаетъ встрѣтить
Въ насъ позоръ измѣны!

Леонидъ Афанасьевъ.

СЛАВЯНСКИЙ ГИМИТ.

(Посвящается братьямъ-славянамъ).

Ликуй, народъ, душою ясной:
Но волѣ русскаго Царя
Зажглась надъ родиной прекрасной
Давно желанная заря.

Ликуй, народъ: промчались годы,
И „старый русский великанъ“
Подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы
Идетъ къ семье родныхъ славянъ.

Онь скажеть имъ: „Вы долго ждали,
Я долго мракомъ скованъ быть,
Но свѣть пришелъ, завѣсы пали,
И васть я, братья, не забыть.

„Принцель я сбросить рабства бремя.
Принцель какъ братъ, а не какъ врагъ,
Я васть зову, родное илемя,
Подъ мой свободный, свѣтлый стягъ.

„Мы вмѣстѣ, дружною семею,
Посѣмъ правду на землѣ
И будемъ жить одной душою
Въ Варшавѣ, въ Прагѣ и въ Кремлѣ“.

Александръ Бахиревъ.

СЕРБСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

(Переложение).

Боже правый, Ты, что дивомъ
Охранялъ насть въ бѣдствій дни,
Вновь внемли сердецъ призываамъ
И опять насть сохрани.
Благо жизни щедро множа,
Къ мощи, къ славѣ, двинь народъ!
Сохрани, всесильный Боже,
Короля и сербскій родъ!

Сербскимъ братьямъ дай сплоченье
Въ славномъ дѣлѣ безъ измѣнъ,
Миръ несетъ врагу смятенье,
Сербству—твердость крѣпче стѣнь.
Пусть на сербской вѣтви къ счастью
Зрѣеть братства чудный плодъ!
Сохрани, о Боже, властью
Короля и сербскій родъ!

Пусть надъ вѣрной головою
Не падеть твой гибнныи громъ!

Осѣни своей рукою
Поле, ниву, градъ и домъ!
А подступить врагъ лукавый, —
Для побѣдъ веди народъ!
Сохрани, о Боже правый,
Короля и сербскій родъ!

Изъ могильной тьмы прияло
Сербство новый блескъ зары.
Время новое настало,
Новымъ счастьемъ подари!
Плодъ борьбы пятивѣковой,
Королевство защищай,
И Петра для славы новой
Мощной силой сохраняй!

Леонидъ Афанасьевъ.

МОЛИТВА СЛАВЯНЪ.

Стучать мечи, гремятъ оковы,
И черно-желтый вьется флагъ:
На насть грядеть многовѣковый,
Непримиримый, алчный врагъ.

Въ семью славянъ внося раздоры,
Насъ, братъевъ, ссоря и дѣля,
Себѣ беретъ онъ наши горы
И наши мирныя ноля.

Поруганъ храмъ, гонима вѣра.
Неправосуденъ швабскій судъ,
Подъ хитрой маской лицемѣра
Пить нашу кровь тевтонецъ-спрутъ.

Очамъ Твоя міръ, Господь, открыты
Людей неправые пути:
Мы ждемъ Твоей святой защиты,
Грозы удары отврати!

Укрой Твой міръ отъ непогоды,
Сердца жестокія смири
И солицемъ правды и свободы
Весь край славянскій озари!

Н. Б. Хвостовъ

СЛАВЯНАМЪ.

Славяне, мы пдемъ! Тотъ день наступитъ вскорѣ,
Когда, въ сияни любви и торжества,
Славянскіе ручы сольются въ русскомъ морѣ,
И Русь произнесетъ великия слова:
„Освобожденные, я къ вамъ приныла съ любовью!
„Всевышній мнѣ помогъ вамъ радость принести.
„Я проложила путь для васъ своею кровью,
„Объединитесь все на томъ святомъ пути!
„То для славянства путь любви и возрожденья,
„Работы творческой неконныхъ свѣтлыхъ силъ.
„Пусть вѣдаеть весь мръ, что для объединенія,
„Для общаго труда Господь васъ воскресилъ“.

Kn. Голицынъ-Муравлинъ.

СЛАВЯНСКИЕ ОРЛЫ.

Подъ грозной тучей, что легла
Надъ Вислой, Припятью и Бугомъ,
Средь блеска молній, два орла
Нежданно встрѣтились другъ съ другомъ:
„Здорово, братець!“

„Здравствуй, братъ!“

— „Откуда?“

„ — Путь держу далекій;
Съ родныхъ холмовъ чрезъ Днѣпъръ широкій,
„Туда, все дальше, на закатъ!
„Лечу вослѣдъ казачьей лавѣ,
„Героямъ-витязямъ вослѣдъ,
„Наветрѣчу ихъ великой славѣ,
„Громамъ неслыханныхъ побѣдъ!
„А тамъ, гдѣ сѣверъ хмуриТЬ дали,
„Отъ стогновъ царственной рѣки
„Мои глаза считать устали
„Непечслимые полки;
„Они идутъ и днемъ и ночью,
„Все ближе, строже, все грознѣй...
„О, если бъ видѣлъ ты воочью
„Всю силу родины моей!

„Орлинымъ сердцемъ гордо чуя
„Паденье вражескихъ преградъ,
„Туда стремлюсь, туда лечу я!..
„А ты откуда?“

„— Отъ Карпать!

„Отъ страдныхъ гнѣздъ на старой грани
„Тебѣ родныхъ издревле мѣсть,
„Гдѣ покоренные славяне
„Несутъ отъ вѣка тяжкій крестъ;
„Гдѣ звонъ цѣпей и мракъ темницы,
„Весь гнетъ и ужасъ бытія,
„Гдѣ Стрый и Львовъ, и Черновицы,
„Гдѣ Русь Червонная моя!
„Но проблѣлъ часъ, и въ тюремъ своды
„Проникъ желанный лучъ зари:
„Въ защиту правды и свободы
„Пришли твои богатыри!
„Несу я вѣсть отъ Буковины,
„Отъ Саны топкихъ береговъ:
„Что богатырекія дружины
„Сметають полчища враговъ,
„Что путь открыть на Пештъ, на Krakovъ,
„На Вѣну... и со всѣхъ сторонъ
„Лишь гуль побѣдъ твоихъ юнаковъ
„И слава сѣверныхъ знаменъ!..“
„— Такъ будемъ вмѣстѣ съ этой славой!..“

.....
И тамъ, гдѣ тучъ рѣдѣла мгла,
При блескѣ солнца, два орла
Слился вдругъ въ одинъ—двуухглавый!

Ив. Соколовъ.

СЛАВЯНСКАЯ СТРАЖА.

Къ Дунаю, славяне, къ Дунаю,
Къ исконно-славянскому краю,
Всѣ помыслы ваши несите—
Въ завѣтномъ бою
За долю свою
Вы съ помощю братьевъ спѣшите!

Дунай—колыбель нашей славы.
Гнѣздо онъ славянской державы.
При Самъ-Царѣ праѣды наши
Тамъ, бились съ врагомъ,
Храли свой домъ
И пили медовыя чаши.

У Сама родились три сына,
Три истыихъ, какъ онъ, славяниша:
Полякъ, Чехъ и Русь.
При смерти отецъ
Тому далъ вѣнецъ,
„Кто вражихъ не вынесетъ узы!“...

И въ міръ растеклися три брата.
Родителя воля имъ свята,
И боятся съ тѣхъ поръ безъ конца--
За имя, за свѣтъ,
Свободы завѣтъ,
За гордое знамя отца.

Два брата не справились съ рокомъ,
А младший на свѣтъ широкомъ
Устроилъ могучее царство,—
Да братьевъ спаси
И ладъ завести
Соєдей мѣшаетъ коварство.

Забыли сыны о Дунаѣ.
Иныя нагрянули стан
И заняли прадѣдовъ нивы;
Но съ давнихъ временъ
Насъ манить трезвонъ
Туда, гдѣ Дуная разливы.

Тамъ, грянетъ послѣдняя битва,
Всѣхъ общая свяжетъ молитва.
Найдется и доля родная,—
И тамъ сторожить.
И братьямъ трубитъ,
Славянская стражка Дуная...

Дмитрий Вергунъ.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Снова ты будешь, родная,
Участь оплакивать вдовью, —
Тихія воды Дуная
Снова окрасились кровью.

Вторгнулся ворогъ кичливый,
Волкомъ онъ рыщеть несбыточн.;
Наши родимыя нивы
Топчетъ онъ конскимъ копытомъ.

Слышимъ,—труба боевая
Воетъ звончай и побѣдней,
Храбрыхъ бойцовъ призываю
Къ битвѣ кровавой, послѣдней.

Дрогнуть отъ топота нивы,
Дрогнетъ земная утроба;
Слыша родные призывы.
Мертвые встанутъ изъ гроба.

H. A. Карповъ.

ДОМБРОВНА¹⁾.

(Кролевецкая баллада).

На поморъѣ славянскомъ,—подъ Кролевцемъ, подъ
Гданскомъ,—
Звѣрскій смѣхъ раздается да стоны:
То язычниковъ крестятъ, а язычницъ безчестятъ
Господа крестоносцы-тевтоны.
Вотъ гросмейстеръ маститый—Юнгайненъ знаменитый—
Въ замокъ Мальборгъ комтуровъ сзыываетъ:
Онь зоветъ не на пьянство, не на травлю крестьянства.—
Онь съ Витовтомъ войну затѣваетъ:
— Польша спорить съ Литвою, а Руси той порою
Отъ Литвы попадетъ на орѣхи.
Мы пойдемъ, нашу силу имъ покажемъ, а съ тылу
На Витовта накинутся чехи.
— Гохъ!—весь орденъ взываетъ, свой доспѣхъ надѣваетъ,
Лошадей наряжаетъ въ попоны

¹⁾ Доморовна—славянское название Грюнвальда, где въ 1410 году произошла знаменитая битва между тевтонскимъ орденомъ и славянами.

И, закрывшишь щитами, страшно водить усами:
Всехъ побьють, моль, лихие тевтоны!
Будутъ рыцари лугомъ, совѣщаясь другъ съ другомъ
О раздѣлѣ добычи богатой...
Блещутъ латы да шлемы... Молвятъ нѣмцы:—А гдѣ мы?—
— Близъ Домбровны,—отвѣтилъ вожатый.
Молвятъ нѣмцы другъ другу:—Знать, Литва съ перепугу,
Какъ клопы, позаирались въ щели?—
Но вт. отвѣтъ надъ равниной исполнинской щетиной
Сотни кошій вдали зачернѣли...
— Бей литовцевъ проклятыхъ!—Рѣжь комтуровъ усатыхъ!—
Все смыкалось въ кровавомъ туманѣ...
Бьетъ Литву мечъ тевтонскій... Но звучить топотъ конскій:
То на выручку скачутъ смоляне!
Всѣдѣ, за русскими—справа сыпѣть польская лава,
Впереди—Земовитъ Мазовецкій,
Съ нимъ и Зындромъ, а рядомъ—Жижка съ чешскимъ
отрядомъ
Въ тылъ заходитъ армадѣ нѣмецкой...
Что тутъ нѣмцевъ помято! Что тутъ рыцарей взято!
Земовиту, однако, все мало:
— Гей,—кричать онъ,—паночки! Это—только цвѣточки,
А для ягодъ—пора не настала!
Ждите болынаго дива!...—
Люди ждутъ терпѣливо,
Пять вѣковъ и три года все ждали...
Вдругъ земля всколыхнулась, Русь проснулась,
ветряхнулась,—
Люди сонъ наяву увидали!

И. Пересвѣтова.

БОЛГАРАМЪ.

Все окуталъ дымъ зловѣцій—
Лѣсь, деревни и поля.
Отъ пальбы, отъ грома сѣчи
Задрожала вся земля.
Бьется тамъ славянства племя,
Всѣ отвагою полны,
Цѣль одна владѣеть всѣми...
Гдѣ жъ Болгаріи сыны?
Пль забыли вы, что дѣды
Наши дрались много разъ
И подъ славный громъ побѣды
Возродили къ жизни васъ?
Ваши нивы колосятся:
Ихъ вспоила наша кровь.
До сихъ поръ еще хранятся
Груды русскихъ череповъ.
А теперь стыдомъ измѣни
Запятнали вы себя.
Или вамъ дороже Вѣна.
Чѣмъ славянская семья?
Братья, братья, врагъ ужъ грозно
Въ смертный бой полки ведетъ...
Такъ скорѣй, пока не поздно,
Съ общимъ знаменемъ впередъ!

H. K. Савенко-Новоспасская.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ГАЛИЦИ.

Блѣдиеть мракъ, уходить ночь,
Въ сияни день родится новый.
Вставай, возлюбленная дочь,
Снимай разбитыя оковы!

Довольно слезъ ты пролила,
Томяся въ страданыи на чужбинѣ:
Подъ сѣнь родимаго крыла
Встуйай, свободная отнынѣ!

Я—мать, печальница твоя,
Пади же, дочь, въ мои объятья!
Давно ужъ ждеть тебя семья:
Сестра Москва и съ нею братья.

Въ истокахъ Невскихъ сынъ Петра,
Надъ Волгой сынъ отъ Ярослава,
И на Украинѣ сестра
Единокровная Полтава.

Одесса, Клевъ, Могилевъ —
Вся Русь—семьей объединенной
Прислали витязей-пословъ
Къ тебѣ, красавицѣ Червонной.

Они сошлись, и тихій Донъ
Разить тевтоновъ въ грозной сѣчѣ...
Ты слышишь сабель острыхъ звонъ?
Орудій смерти слышишь рѣчи?

Со всѣхъ концовъ родной земли
Сыны ея стремятся къ бою,
Они, Галиція, пришли
Къ горамъ Карпатскимъ за тобою.

Нѣть на рукахъ твоихъ цѣпей,
Разрушень сводъ тюрьмы суровой, —
Сливайся съ родиной своей
Великой, Малой, Вѣлкой, Новой!

H. B. Хвостовъ.

Г Р О З А.

Воздухъ сгущенный, давя, какъ дурманъ,
Тяжко дышится косматыми тучами...
Съ запада ползъ непроглядный туманъ
И осѣдалъ надъ Карнатекими кручами...

Грянула Божья гроза! по землѣ
Громъ небычайный пронесъ перекатами...
Вспыхнули молни... въ каждой скалѣ
Эхо проснулось, гремя за Карнатами...

Развѣ не легче дышать? кругозоръ
Развѣ не шире? гроза небывалая
Тучи разносить... и въ выступахъ горъ
Ярко заря загорается алая...

B. Опочининъ.

СОНЕТЪ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

Гляжу впередъ безъ страха,—не робъя.
Восходятъ тѣни гдѣ-то далеко:
Хмельницкаго, Шевченка, Кочубея...
За ними—тѣнь стѣпнаго Василько.
...За рубежомъ... Тамъ сердцу не легко...
За рубежомъ... Но та же все Украина.
И тѣ же ночи, темныя, какъ тайна,
И тѣ же сны Оксаны и Грицко...
Далекъ ли путь отъ Львова до Полтавы!
Поставимъ стягъ единой русской славы!
Единая наследственная кровь
Сольеть въ одно и наши пѣсни, степи...
Страна славянъ, твои разбиты цѣпи
И ждуть тебя Свобода и Любовь.

A. Мейсперѣ.

ГАЛИЦКАЯ ПѢСНЯ.

Неподвижны крылья мельница.
Что молоть-то? Хлѣбъ не сжатъ.
Грустно вѣтки липы-отшельница
Надъ Галицей дрожатъ.
Горько, братья, тошно, братья,
Посыпать своихъ дѣтей
Подъ австрійскія проклятья,
Подъ удары ихъ плетей!
Въ день суровый бабы выли—
Не излечится тоска,
Если въ рекруты забрили
И сынка, и жененка,
Да велять итти сражаться
Съ братомъ русскимъ, какъ съ врагомъ.
Какъ же сердцу тутъ не сжаться
Тайной мыслью о другомъ!
Съ Богомъ, братья! Рабство сбросимъ,
Смѣло вспрянемъ безъ оковъ,
Мы недаромъ имя носимъ
Угроруссовъ отъ вѣковъ.

Пусть война встаетъ пожаромъ---
Въ, немъ свободы намъ заря,
Тамъ трепещетъ въ блескѣ яромъ,
Знамя Бѣлаго Царя.
Прочь кокарды и погоны
Швабовъ! Выше русскій стягъ!
Мы австрійские патроны
Не истратимъ на пустякъ!
Пусть не сняли урожая,
Но зато нашъ мирный край,
Австріяковъ поражая,
Сниметь славы урожай!

Георгій Ивановъ.

«НОЧИ ТЕМНЫ. ТУЧИ ГРОЗНЫ...»

(Посвящается Н. В. Рузскому).

Тени мрачныя спустились
На просторъ родныхъ полей.
Тучи грозныя сгустились,
Ночь все ближе, все темнѣй.
Въ царствѣ рабскаго молчанья,
Средь унылой жуткой тьмы,
Взоръ пугаютъ очертанья
Львовской габсбургской тюрьмы
Крѣпко выходы забиты,
Словно крышкой гробовой.
Тѣ, кто тамъ,—людьми забыты.
Что грозитъ имъ, Боже мой!
Тише... Въ церкви ль зазвонили?
Звуки плавные растутъ...
Что за щекотъ? Соловьи ли
Предразвѣтный гимнъ поютъ?
Прѣсвистъ издали несется.
Свистъ все ближе, все сильнѣй.
Долъ гудить, земля тряется,
Снова жизнь забилась въ ней...

Это явь? Иль сновидънье?
Боже! Старый русский Львовъ,
Слышишь ты? Вѣдь это—пѣнье
Шагомъ єдущихъ донцовъ:
Взвыть тюремщикъ вѣроломный,
Въ дикой паникѣ бѣжитъ,
А вдогонку „Ночи темны,
Тучи грозны...“ все звучитъ...
Яркий лучъ блеснуль съ востока,
Надъ землей рѣдѣеть мгла,
И нашъ Львовъ вздохнулъ глубоко:
Тучи скрылись! Ночь прошла!

И. Пересопниловъ.

ПА ВЗЯТИЕ ЛЬВОВА.

Сердце радостно забилось снова,
Снова сбиты полчища враговъ.
Нѣтъ ужъ большии Лемберга чужого,
Есть родной, старинный русскій Львовъ.
Боже, этой радостной минуты
Ждали мы ужъ многие года,
И порой казалось, что замкнуты
Двери въ Львовъ для русскихъ навсегда.
Но напиь мечъ пробилъ себѣ дорогу
Въ русскій край давно минувшихъ дней,
Въ древній край Владимира Святого,
Володаря и Владимирка князей.
Подъ своей державой, Русь Святая,
Возвраценныхъ приголубъ сыновъ
И, въ свою семью ихъ призываю,
Дай покой имъ, ласку и любовь.

П. К. Савенко-Новоспасская.

ВОИНАМЪ ЮЖНОЙ ДРУЖИНЫ.

Стонте вы у поля битвы
И съмѣлой грудью рветесь въ бой...
Къ вамъ, къ вамъ прикованы молитвы
И взоръ любви Руси святой!

Синѣютъ передъ вами горы —
Тамъ тоже Русь сѣдыхъ Карпатья.
Заставы ваши и дозоры
Ужъ занимаютъ древній скатъ.
Грохочетъ бой, и ты, дружина,
Шагнешь впередъ за Прутъ, за Санъ.
И силой мощной неполина
Разсѣешь ты коварный станъ.

Скорѣе братьямъ дай свободу,
Въ разстрѣлахъ гибнущимъ, въ крови,
И вѣковую ихъ невзгоду
Развѣй ты подвигомъ любви.
Неси же стягъ на поле битвы
За древній Галичъ нашъ родной!..
Благословлять тебя молитвы
И взоръ любви Руси святой...

Михаилъ Балленый.

ПОЛЬША

НАША МЛАДШАЯ СЕСТРА.

Край намъ близкій Польша, Польша,—
Наша младшая сестра,—
Занялся разсвѣтъ твой смутно
Въ грозномъ пламени костра.
Дымъ пожаровъ, рѣки крови,
Безъ пощады злобный врагъ,
И дѣтей голодныхъ стоны,
И разграбленный очагъ.
Мирныхъ сель опустошенье,
Яростъ пуль, набата жуть...
Вотъ, сестра, въ какое время
Входишь ты на новый путь.
Вся израненная, Польша,
Утонаешь ты въ крови,
Но не бойся, есть въ Россїи
Много силы и любви.
Ты, сестра, за насть страдала,
Жертва бѣдная, прости,—
Мы твои залечимъ раны,
Мы должны тебя счастли.

Мы дѣтей твоихъ накормимъ,
Обогрѣемъ бѣдняковъ,
Приютимъ несчастныхъ братьевъ
И вернемъ имъ отчій кровъ.
Всепрощенья, примиренья
И любви святой залогъ
Въ эту тяжкую годину
Намъ найти поможетъ Богъ.
Для родной и близкой Польши
Кто-что можетъ—пусть даетъ:
Дайте щедро, дайте больше
Хлѣба, ласки и заботъ.
Пусть увидитъ, что за бурей
Будетъ свѣтлая пора,—
Оживеть и встанетъ Польша—
Наша младшая сестра.

T. ІІенкіна-Куперникъ.

СТАНСЫ ПОЛЪИЩ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои державныя права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противостоявъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэточь, мать родная.
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчизны
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не сплю проклятія войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не дли ея страданій дольше --
Молю небеснаго Отца, --
Перемѣни великой Польши
На лавры тернія вѣнца.

Федоръ Сологубъ.

ПОЛЬШЪ.

Орелъ одноплеменны!
... Вѣрь слову русскаго народа:
Твой искръ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

О. Тютчевъ.

Прорицатель! Стихъ твой осужденный
Не наше ль время прозрѣвалъ,
Когда „орелъ одноплеменный“
Напрасно крылья расширялъ!

Сны, что тебѣ туманно снились,
Предстали намъ, воплощены,
И вѣщимъ свѣтомъ озарились
Въ багровомъ заревѣ войны.

Опять родного намъ народа
Мы стали братьями,—и вотъ
Та „наша общая свобода,
Какъ фениксъ“, править свой полетъ.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнъ цвѣла,
До Вислы на равнины наши
Тевтоновъ яростъ разлила
Огонь и смерть изъ полной чаши.
Какъ въ день Послѣдняго Суда,
Сверкалъ огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши домы.
Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.
Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣль потѣхамъ.
И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара.
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.
Изъ милыхъ мѣсть насы гонить страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

ЗАЩИТА ВАРШАВЫ.

Да, онъ надѣялся, коварно-злобный врагъ.
Прійти и разгромить прекрасную Варшаву,
И, въ миѣ укрѣпивъ тевтоновъ гордыхъ славу,
Надъ Вислой свѣтлою поднять побѣдный стягъ...

Да, онъ надѣялся, что старые раздоры
И раны старыя покажутъ рознь славянъ.
Увы, ошибся онъ, урокъ великой дань
Въ минуту славную: забыты все укоры,

Забыта вся вражда, и русские полки
Варшава свѣжими осыпала цвѣтами.
Съ молитвой жаркою, съ горячими слезами
Тамъ провожали въ бой побѣдные штыки.

И русские пошли, великою любовью,
Союзомъ дружескимъ согрѣлись ихъ сердца,
И выдержали бой тяжелый до конца
И земли польскія полили жаркой кровью.

Варшава спасена! Сгорая отъ стыда,
Жестокій врагъ бѣжитъ, склонивъ свои знамена,
И злобный замыселъ кичливаго тевтона
О грудь славянскую разбился безъ слѣда.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ЧЕНСТОХОВЪ.

Плачетъ сынъ: „Душа томится!
Гдѣ отецъ? О мать, не скрой!“
— За него, родной, молиться
Будемъ Господу съ тобой!..

„Близко ли наши полки?
О, какъ мнѣ, матушка, жутко!“
— Тише, идутъ пруссаки...
Слышишь ихъ крики, малютка?

Смолкъ ребенокъ, къ взрослой жмется.
Бьется птичкой сердце въ немъ.
Шумъ все ближе раздается
Въ переулкѣ, за окномъ...

Это не сонъ и не бредъ:
Двери прикладами сбиты;
Брезжитъ далекій разсвѣтъ,
Темною тучей повитый...

Снова тишина вокругъ и дрема,
Никого никто не ждетъ,
Только кровь у оконъ дома
Молча къ небу вопиетъ...

В. П. Рябовъ-Бѣльскій.

ПОЛЬША.

(Сонетъ).

Всѣ бѣды, ужасы всѣ вражьяго вторженья
Познать пришлось тебѣ, о Польская земля!
Врагъ злобный твоего искалъ уничиженья,
Добычу жданную заранѣе дѣля.

Губителенъ былъ слѣдъ тевтонскихъ ордъ движенья,
Опустошившихъ мирныя поля...
Но тяжкій швабскій мѣтль ковалъ для насть сближенье.—
На Ченстохова звонъ звучалъ отвѣтъ Кремля.

Не надо пышныхъ фразъ, не время суесловью, —
Сильнѣе не скрѣпить связующихъ насть узъ:
Тѣ узы спаяны пролитой вмѣстѣ кровью!

О, Польша! Пусть удѣль твой нынѣ и печалень, —
Недолго ужъ нести невзгодъ и бѣдствий грузъ.
И обновленною ты встанешь изъ развалинъ.

Бенедиктъ.

ПОЛЬШЬ.

Не можетъ быть невзгоды большей,
Чѣмъ та воинственная мгла,
Что надъ несчастной, гордої Польней,
Какъ страшный призракъ, залегла.

Судилъ Господень Помыслъ дальний
Странъ мазуровъ и полянъ
Быть раскаленной наковальней
Въ борьбѣ за первенство славянъ.

Германскій вепрь, пронзенный никой,
Учуя смерти голоса,
Рыча и брызжа иѣной дико,
Вломился въ польскіе лѣса.

Онъ сжегъ поля, разграбилъ селы,
Разбилъ сѣдые города.
Онъ осквернилъ твои костелы,
Дикарь, не знающій стыда.

Не плачь, сестра! Злодѣйствамъ вражьимъ
Придетъ конецъ... близка пора —
Твои мы раны перевязжемъ,
Мы исцѣлимъ тебя, сестра!

Сергѣй Копыткінъ.

ВОЙНА

СТАНСЫ О ВОЙНЕ.

Да, въ мірѣ не было священнѣй,
Правдивѣй не было войны!
Полна высокихъ отреченій,
Полна безмѣрной глубины, —
Надежды столькихъ поколѣній
Въ ея чертахъ отражены!

Холмы изъ тѣлъ, моря изъ крови, —
Но скорбью духъ не омраченъ.
И только гибель сдвигаетъ брови
Предъ злобой вражескихъ иlementъ,
И месть святая наготовѣ
Для ихъ разбойничьихъ знаменъ.

Да, нуженъ былъ глаголь изъ стали,
Быть нуженъ всенародный сдвигъ,
Чтобы свято сызнова звучали
„Россія“, „Родина“... И вмигъ
Мы геронческими стали,
И каждый высшее постигъ.

Теперь, забывъ печали наши
И наши скучныя слова,
Мы жадно пьемъ изъ полной чаши
Борьбы, надеждъ и торжества,
И нѣть восторженій и краше
Мечты, которая жива:

Освободить весь міръ отъ гнета!
Пусть кровь безцѣннѣе воды, —
Но алый штурмъ порветъ тенета
Безправья, злобы и вражды.
Не станетъ грознаго оплота
Для вѣчно алчущей Бѣды.

Когда же имена убитыхъ
Мы, упѣлѣвшіе, сочтемъ, —
Мы выжжемъ ихъ на славныхъ плитахъ,
Чтобъ повторять ихъ каждымъ днемъ!
Тогда не будетъ позабытыхъ,
Въ странѣ, очищенной огнемъ.

И не смутить народной вѣры
Огнемъ губительныхъ мортиръ!
Пусть кровь людскую пьетъ безъ мѣры
Земля, и Смерть справляеть пиръ, —
Мы на зарѣ великой эры:
Бессмертнымъ въ мірѣ станеть Миръ!

Дмитрий Цензоръ.

НАДЪ МІРОМЪ СМЕРТЬ.

Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Кровавый саванъ молча палъ.
Борьбы напрасныя усилия...
Надъ міромъ смерть простерла крылья,
Загробный слышится хораль.

И тонеть тьма въ волнахъ кровавыхъ,
И тонеть въ небѣ мертвый взоръ.
Все суeta, земной нѣть славы...
И тонеть тьма въ волнахъ кровавыхъ,
Лишь смерти воля да просторъ.

Но близокъ грозный часъ возмездья!
Господь всесиленъ и могучъ.
Все ярче на небѣ созвѣздья...
И близокъ грозный часъ возмездья,
И смерть мерцаетъ изъ-за тучъ.

Взойдетъ заря надъ полемъ браны,
Надъ смертью солнце заблеститъ.
Не будетъ слезъ, ни вздоханий.
Заря взойдетъ надъ полемъ браны,
Христосъ улыбкой озарить.

Н. Кашталинская.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА.

Свершилось! Рокъ рукои супротивной
Приподнялъ завѣсу временъ.
Предъ нами лики жизни новой
Волнуются, какъ дикий сонъ.

Покрывъ столицы и деревни,
Взвились, бушуя, знамена.
По пажитямъ Европы древней
Идетъ послѣдняя война,

И все, о чёмъ суть безилоднымъ жаромъ
Цугливо спорили вѣка,
Готова разрѣшить ударомъ
Ея желѣзная рука.

Но вслушайтесь! Въ сердцахъ стѣсненныхъ
Не голосъ ли надеждъ возникъ?
Призывъ племенъ порабощенныхъ
Врывается въ военный крикъ.

Подъ топотъ армій, громъ орудій,
Подъ ньюпора гудящій летъ,
Все то, о чемъ мы, какъ о чудѣ,
Мечтали, можетъ быть, встаетъ!

Вѣдь слишкомъ долго мы коснѣли
И длили Валтасаровъ міръ!
Пусть, пусть изъ огненной купели
Преображеній выйдетъ міръ!

Пусть падаетъ въ провалъ кровавый
Строенѣе шаткое вѣковъ, —
Въ невѣрномъ озарены славы
Грядущій міръ да будетъ новъ!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть съ гуломъ падаютъ столбы, —
Началомъ мира и свободы
Да будетъ страшный годъ борьбы!

Валерій Брюсовъ.

ВОРОНЪ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЬ.

(Баллада).

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричитъ:
„Вѣшій братъ мой, гдѣ леталъ,
Гдѣ леталъ и что видалъ?“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„Облетѣль я бѣлый свѣтъ,
Покружила за вражкимъ станомъ.
Былъ за Вислой, былъ за Саномъ,
Ночь и день летѣль назадъ, —
Плохо дѣло, черный братъ!
Не запомню за столѣтъ
Я такого лихолѣтъ...“

Ночью нервой налетѣль
Я на поле мертвыхъ тѣль.
Другъ и врагъ сплелись въ объятьѣ, —
То-то пиръ воронѣй братѣ!
Дѣвы, жены позади, —
Крестъ кровавый на груди.

Пусто. Вътеръ лишь холдный
Въ уши имъ шумитъ отходной...
Въ мутныхъ звѣздахъ неба твердь,
И вдвоемъ — Вильгельмъ и Смерть,
Мертвецовъ даря парадомъ, —
Другъ съ подругой, — Ѣдутъ рядомъ.

Возлѣ Рейнскихъ береговъ
Помнишь замокъ Рюггенгофъ?..
На исходѣ новой ночи
Здѣсь на мигъ смежилъ я очи.
Утромъ, внемлю шумъ людей,
Крики черныхъ лебедей.
Древній замокъ нолонъ гула,
Трубныхъ звуковъ караула...
Вѣцій братъ мой и сосѣдъ,
Я узналъ людской секретъ!
Въ замкѣ узница томится,
Синеокая дѣвица,
Блѣдной ручкой рветъ цвѣты,
Въ бездну смотрить съ высоты
Да слѣдить, какъ прудъ вскачали
Черны лебеди печали...
Много ль дѣва точить слезъ, —
Знаеть только вѣрный песь¹).

Какъ безъ сна проводить ночи, —
Видять звѣзды, Божыи очи.

¹) Великой герцогинѣ люксембургской Аделандѣ-Марии германской, въ концѣ концовъ, разрешено оставить при себѣ ея собаку и черныхъ лебедей.

А какъ вздохи глубоки, —
Слынать прусские стрѣлки,
Что шагаютъ подъ стѣнами
Съ закаленными штыками...

Третья ночь была безъ сна,
Синь небесная ясна.
Надъ земною лился бездной
Градъ свинцовыи и желѣзныи.
Тяжко дымныи воздухъ выль, —
Высоко я къ небу взмыль:
Бросивъ винзъ снопы-зарницы,
Тамъ стальныя плыли птицы...
Ихъ неясный страненъ ликъ,
Небесамъ ихъ мерзокъ крикъ.
Крыльевъ ихъ завида круги,
Прочь орлы летятъ въ испугѣ...
Гдѣ желѣзныи грифъ летѣль, —
Груда тамъ кровавыхъ тѣлъ.
Любо! Гей, летимъ, товарищъ,
Пировать среди пожарищъ!...“

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
„— Я и сыть, и время нѣть!
Нынче я лечу гонцомъ
Въ дальний хуторъ надъ Донцомъ.
День и ночь у хоторка
Ждетъ казачка казака.
Я на крышу прилечу,
Кновомъ въ крышу застучу:
Ой, казачка, не плошай! —
Понимай ворононграй! —

Понимай воронограfi,
Больше духу припасай!
Ой, ужаленъ милый твой
Въ сердце самое пчелой.
Вспять ему не прiбзжать.
Губъ твоихъ не цѣловать.
Земляной просторенъ гробъ.
Отпѣвалъ его не попъ, —
Буйный вѣтеръ отпѣвалъ.
Очи — я ему склевалъ...“

A. Пэмайлова.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ.

Я не сочувствую войнѣ,
Какъ проявленью грубой силы.
Страшны досрочные могилы
И оскорбительны вдвойнѣ.

Къ побѣдѣ красная стезя,
И скорбь на ней — исходъ конечный.
Безразумной и безсердечной
Войнѣ сочувствовать нельзя.

Но есть великая война —
Война народной обороны:
Отбросить вражды легіоны
Встаетъ пронзенная страна.

Когда отчество въ огнѣ,
И нѣть воды, лей кровь, какъ воду...
Благословеніе народу!
Благословеніе войнѣ!

Игорь Сѣверянинъ.

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающего Богъ!
Въщанью мудрому повѣрте.
Кто идетъ со сдѣлямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до стона изнемогъ.

На начинающего Богъ!
Его твердыни станутъ пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинника тревогъ.

На начинающего Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной.
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблѣмый чертогъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

18 ПОЛЯ 1914 ГОДА.

О, Боже вѣчный, Боже правый!
Ты видишь все... Хотѣлъ пресѣчь
Вражду родной Орелъ Двуглавый
И возвѣщать: „вложите мечы!“

Ослѣплены самохвалами,
На слабыхъ ринулись враги,
И онъ летить, взмахнувъ крылами,
Туда, гдѣ слышитъ: „помоги!“

„Взвивайтесь, братскія знамена!
„Иду!“ — звучитъ отвѣтный кликъ.
Опять вернулось время оно,
Все ближе, ближе русскій штыкъ...“

И сердце русское, ты то же
И такъ же, какъ и въ оны дни,
Съ Царемъ на подвигъ рвешься... Боже,
Царя храни!

M. Веселкова-Кильштетъ.

#

ВОЙНА.

Смерть съдлаетъ во тьмѣ боевого коня,
Смерть, ликуя, хринить: „Подождите меня!
„Жаднымъ ухомъ заслышавъ тревогу.
„Я спѣшу, я лечу на подмогу.
„Проложили мнѣ люди дорогу вездѣ:
„Въ облакахъ, на землѣ, надъ водой и въ водѣ.
„Веюду люди меня славословятъ,
„Жгутъ куренья и жертвы готовятъ;
„Цѣлый миръ обративъ въ мой конунгственный храмъ,
„Въ немъ вы служите Смерти, какъ Богу:
„Стонъ страдальцевъ — мой гимнъ, дымъ костровъ —
оимпамъ,
„Я лечу, я лечу на подмогу!“
И несется костякъ, припадая къ коню,
И, ликуя, хринить: „Догоню! догоню!“

B. Mazurkевичъ.

ВОЙНА ЗА МИРЪ.

На небѣ яркія зарницы,
Предвѣстникъ грозы, рокочеть громъ,
И отъ деревни до столицы
Русь встала въ вихрѣ боевомъ.
Переродилась, отрезвѣла,
Вздрогнула мощная страна.
Рука и сердце ищутъ дѣла,
Душа огнемъ борьбы полна.

* * *

И вижу я полетъ орлиный,
Всѣ племена, народъ и Царь
Сплотились крѣпко въ духѣ единый.
Несутъ всѣ жертвы на алтарь.
Слились сермяга и порфира
Въ стѣнахъ незыблемыхъ Кремля
И добываетъ миръ для міра
Желѣзомъ русская земля.
И силенъ, правдою вдохновенный,
Въ борьбѣ съ коварствомъ исполинъ —
Кто побѣдить? Тевтонъ надменный
Иль благородный славянинъ?

* * *

Двоимъ намъ тѣсно! Не искали
И не хотѣли мы войны,
Мы для спасенья братьевъ встали,
Пошли за честь родной страны,
И грозно на защиту права
Волной поднялся весь народъ.—
Кто всталъ за правду — честь и слава,
А мечъ поднявший — да падеть!

Влад. Гильровский.

В ПЕРЕДЪ.

Безъ трепета — впередъ, сыны земли великой,
Съ сверкающимъ мечомъ, впередъ, на братскій зовъ!
Впередъ!.. Прислушайтесь: все громче битвы клики,
Плачъ женщинъ и дѣтей съ дунайскихъ береговъ...

Всегда крѣпки бойцы за право и отчизну,
За вѣру праотцевъ, за пядь земли родной.
И павшимъ воинамъ великой славы тризной
Да будетъ всѣхъ славянъ единство и покой!

Въ Святомъ Георгіи найдемъ оплотъ и силы!
Стекайтесь полчища безстрашныхъ россиянъ,
И сгинеть чудице кроваваго насилья,
Пронзенное мечомъ богатырей славянъ!..

T. Соколовская.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Огнемъ безмѣрнаго страданья,
Рѣзцомъ невиданныхъ невзгодъ
Отмѣченъ въ безднахъ мірозданья
Нашъ годъ, четырнадцатый годъ.

Сплелись зловѣщія созвѣздья
Надъ нами въ знаменяхъ луча.
Караеть Богъ мечомъ возмездья
Обожествление меча.

Л если тамъ, на звѣздахъ прочихъ
Способны чувствовать, какъ мы,
И различать свѣтила ночи
Сквозь океанъ безбрежной тьмы,
То каплей крови, жуткоцвѣтной,
Чуть уловимой, чуть замѣтной,
Имъ представляется земля,
Затѣмъ, что битвою всесиѣтной
Пылаютъ горы и поля;
Затѣмъ, что кровью въ годъ ненастный
Всѣ города напоены
И надъ землею поднять красный,
Безумный факелъ Сатаны.

Богъ Милосердны! Богъ прощенья!
Богъ человѣческой души!
Взгляни... услышь... Одно мгновенье!
Слезой единой сожалѣнья
Тотъ факель смерти потуши!

Сергій Копиткін.

ЦВЕТА ВОЙНЫ.

Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и ударимъ на враговъ.
Цвѣтъ бѣлый — цвѣтъ нетронутыхъ синьговъ,
Хранящихъ жизнь во тьмѣ земного лона,
Цвѣтъ сѣверныхъ просторовъ, цвѣтъ мечты,
Цвѣтъ спящихъ силъ на днѣ души народной,
Цвѣтъ родины моей, въ мечтахъ свободной,
Цвѣтъ будущей великой полноты.
Кто вѣрить въ русскій жребій,—юнъ и старъ
Возстанемъ противъ хиппника-барона.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся противъ западныхъ татаръ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Сойдемся и сразимъ сверхъ-дикарей.
Цвѣтъ синий — цвѣтъ лазоревыхъ морей,
Цвѣтъ гордыхъ моряковъ, цвѣтъ Альбиона.
Онъ первый, подъ оградой синихъ водъ.
Провозгласилъ гражданскихъ правъ святыню,
Домъ гражданина онъ возвель въ твердыню,
Шагъ каждый — въ равновѣсіе свободъ.

Отчизну воли, разума, закона
Отъ „ярости тевтонской“ оградимъ.
Подъ бѣло-сине-красныя знамена,
Съ Британіей сойдись, мы побѣдимъ!
Подъ бѣло-сине-красныя знамена
Насъ всѣхъ зоветъ священная война.
Цвѣтъ красный — цвѣтъ румяныхъ устъ, вина,
Цвѣтъ крови, смѣха, красочности, звона,
Цвѣтъ Франции — эдема всей земли.
Парижъ, твоихъ бульваровъ и предмѣстій
Саюгъ набѣглый „бѣлокурыхъ бестій“
На этотъ разъ не осквернитъ вѣ ты.
Нева и Сена, Темза и Гаронна
Ідуть на Рейнъ послѣднею волной,
Грядеть весь міръ послѣднею войной
Подъ бѣло-сине-красныя знамена.

И. Минский.

УШЛИ...

Ушли... Одинъ въ углахъ знакомыхъ
У старыхъ дѣдовскихъ иконъ
Въ убогихъ избахъ и въ хоромахъ
Огонь немеркнущій зажжень.

Еще не кончена работа.
Не убранъ желтый хлѣбъ съ полей.
Душа болитъ... Но щенчеть кто-то:
„Ты русская и слезъ не лей!..“

„Мы тоже провожали близкихъ,
„Крушились тоже мы о нихъ, —
„Побѣды ихъ — на обелискахъ.
„И шумъ ихъ славы не затихъ.“

„Кто палъ въ бою, кто, невредимый,
„Вернулся къ намъ подъ кровъ родной, —
„Но долгъ совершенъ быль предъ родимой
„Святою нашою страной!..“

О, сердце женское! Ты снова,
Какъ и сто долгихъ лѣтъ назадъ,
На подвигъ скорбный свой готово:
„Иди, мой мужъ!.. Мой сынъ!.. Мой братъ!..

„Идите всѣ!.. Ни слезъ, ни стона...
Мы отдаемъ любовь свою...
Предъ лицомъ Божиимъ — оборона
Она вамъ лучшая въ бою!..

M. Веселкова. Кильштетъ.

СЪ ВОЙНЫ.

ВСЕНОЩНАЯ.

Закать спокойно тихъ... Послѣдними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса,
Замолкъ бивака шумъ... Туманный дымъ клубами
За рощей тянется, отъ кухонъ, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, безмолвны и стройны.
Столь въ глубинѣ карре... На немъ блестятъ иконы,
И голось пастыря звучитъ средь тишины.

Сосредоточенно, въ торжественномъ молчанїи.
Солдаты молятся... Быть можетъ, завтра бой.
Невольно прошлого ветають воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Въ безмолвии вечера, и предъ днемъ тяжелой битвы.
Подъ куполомъ небесъ, открыты всѣ сердца,
Понятнѣй и яснѣй знакомыя молитвы
Въ природы близости и близости Творца.

И мысль, въ сердцахъ сокрытую глубоко.
Молящійся душой стремится повторить:
— Храни, Благой Господь, оставшихся далеко!
Дай, Боже, моць врага скорѣе сокрушимы!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

НОЧНАЯ МОЛИТВА.

(Посвящается русскимъ воинамъ.)

I.

Когда лѣтняя ночь до разсвѣта
Убаюкаетъ степи Украины,
На стеляхъ вѣковыя могилы
Открываютъ забытыя тайны...
Свой пріютъ безмятежный оставя.
Поднимаются старыя тѣни,
И иѣвецъ между ними садится
И бандуру кладеть на колѣни.
То не сѣрый туманъ покрываетъ
Наші степи отъ края до края,—
Это славныя, старыя тѣни,
Собираются, иѣснямъ внимая.
Го не шепчетъ ковыль, наклоняясь,
И не шумъ отъ пороговъ несется,—
Это старая пѣснь бандуриста
Съ тихимъ рокотомъ струнъ раздается.
Онъ поетъ про минувшую славу,
Какъ въ плѣну погибали турецкомъ,

Онъ гремитъ о казакъ Нечай
И о Байдѣ поеть молодецкомъ...
И на каждую ночь до разсвѣта
Дивныхъ пѣсень-сказаний хватаетъ,
Даже самъ бандуристъ вдохновенный
Славнымъ рыцарямъ счета не знаетъ!—
Гдѣ ни глянь, ихъ чернѣютъ могилы,—
Смѣлыхъ воиновъ вѣчныя хаты,—
Отъ пороговъ и Чернаго моря
До равнины, гдѣ встали Карпаты.
Гдѣ ни глянь, по Руси безпредѣльной
Тамъ ихъ кости легли не напрасно —
За свободу, за вѣру святую
И за славу отчизны прекрасной...

II.

Въ почь побѣды подъ стѣнами Львова
Бандуриста нотухшія очи
Вдохновенія огнемъ запылали,
Точно звѣзды украинской ночи.
И ударили онъ въ звучныя струны,
Напрягая могучія руки:
— Гей, послушайте, рыцари-други,
Что творять наши славные внуки!
Точно молнія въ тучахъ небесныхъ,
Засияла ихъ доблѣсть святая,
И ведутъ они грозныя битвы,
Ни сомнѣнья, ни страха не зная!..
Задрожали Угорскія скалы,
Веколыхнулись поля и озера,

Врагъ бѣжитъ озлобленный и блѣдный
И во вѣкъ не омоеть позора!..
Повернитесь вы всѣ, что терпѣли
За отчизну, за вѣру святую,
Повернитесь лицомъ на Карпаты
И свершите молитву ночную:
„Ой ты, Боже нашъ, Боже великий,
„Вспомни старыя раны и муки,
„Вспомни подвиги слугъ твоихъ вѣрныхъ,
„Протяни необорныя руки,
„Помоги нашимъ внукамъ-героямъ,
„Что безъ страха тамъ кровь проливаются:
„Пусть враги передъ русскою силой
„Легче синѣга подъ солнцемъ растаютъ”...
И молитва кругомъ зазвучала,
Точно дальняго грома раскаты,
И склонились всѣ славныя тѣни,
Обратившись лицомъ на Карпаты.

Ю. В. Ревякинъ.

ВЪ ИЗБЪ ЛѢСНИКА.

Я помню ночь, мы шестеро сидѣли
Въ густомъ лѣсу, въ избушкѣ лѣсника,
Кругомъ рвались австрійскія прапнели,
И пулеметовъ трескъ звучалъ издалека.

Намъ было холодно... Фонарь, шинелью скрытый,
Бросалъ на насъ багровый лучъ порої,
Быть темень небосводъ, покровомъ тучъ закрытый,
И съчъ встревоженный кричалъ во тьмѣ лѣсной.

Бой дѣлался сильнѣй... Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая въ тьмѣ небесь,
Короткой молицей окрестность озаряя,
Рвались... И вторилъ имъ, гудя, безмолвный лѣсь...

Склоняясь въ пустомъ углу, надъ трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекія слова:
— „Отбили“... — „Отошли“... — „Еще идетъ колонна“.
— „Патроновъ дайте“... „Держимся едва“...

То были жуткія мгновенія въ домѣ этомъ, .
А ночь была темна... минутъ тянулся рядъ.
Вдругъ, въ поздній часъ... за мигъ передъ разсвѣтомъ
У дома самаго разорвался снарядъ...

На мигъ прервались провода отвѣты,
Связь порвалась... А гдѣ-то впереди
Усилилась стрѣльба... Раздались крики гдѣ-то,
И сердце замерло мучительно въ груди...

Я помню эту ночь... Кошмаръ больного бреда...
Разсвѣть... Туманный дождь... Избушку лѣсника.
Вновь телефонный гулъ...

И тихій звукъ: „побѣда“,
Что голось намъ сказалъ, едва, издалека!

Князь Федоръ Касаткин-Ростовской.

В О Й Н А.

Сожженныхъ рядъ домовъ... Даль стоптанныхъ полей...
Туманный сѣрый дождь... Видъ—мрачный и суровый.
Повозки, полныя тьмой женщинъ и дѣтей,
Лохмотья и узлы оставшихся безъ крова,
И плачь, и стонъ, и выстрѣлы вдали,
И пологъ дыма сѣрий и пожарный,
И запахъ труповъ отъ земли,
Тяжелый, душный и кошмарный.
Мундиры рваные... патроны на поляхъ,
И ночь какъ день отъ зарева отсвѣта,
И радостный подъемъ волненія въ бояхъ,
И мысль о тѣхъ, чье сердце плачетъ гдѣ-то,
Кому далекихъ грусть понятна и родна,
Кто молится вдали и мучится душою.
— Тотъ ужасъ, что порой зовется красотою,
То—ты война!

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

ВЪ ПОЛЕВОМЪ ЛАЗАРЕТЪ.

Ночь порвѣть наболѣвшія нити.
Врядъ ли ихъ дотянуть до утра.
Я прошу обѣ одномъ, напишите,
Напишите три строчки, сестра.

Вотъ вамъ адресъ жены моей бѣдной.
Напишите ей нѣсколько словъ,
Что я въ руку контуженъ безвредно,
Поправляюсь и буду здоровъ.

Напишите, что мальчика Вову
Я цѣлую, какъ только могу,
И австрійскую каску изъ Львова
Я въ подарокъ ему берегу.

А отцу напишите отдельно,
Какъ прославленья нашъ доблестный полкъ.
И что въ грудь я былъ раненъ смертельно,
Неполняя мой воинскій долгъ.

Сергѣй Константиносъ.

БРАТСКИЯ МОГИЛЫ.

Нѣтъ, не рыдайте на этихъ могилахъ,
Слезы нарушать ихъ чуткій покой...
Въ грезахъ побѣдныхъ, огненнокрылыхъ,
Дремлетъ здѣсь каждый герой.

Золотомъ осень въ лѣсу заблистала,
Дочиста сжата послѣдняя рожь.
Сердце, ты биться въ груди перестало,
Замерло, ждешь!..

Гулко бѣжитъ по полямъ опустѣлымъ
Эхо шаговъ изъ родимой земли, --
Это на помощь тѣмъ, славнымъ и смѣлымъ,
Новыя рати пошли.

Цышитъ весельемъ улыбка солдата,
Къ русскимъ побѣдамъ проложенъ тутъ ельдъ.
Вѣтеръ доноситъ: „Здорово, ребята!“
— „Рады стараться!“ — отвѣтъ.

5*

Смотрять — кругомъ никого. Лишь зарею,
Словно сияньемъ святыхъ, залиты,
Стражами встали надъ взятой землею
 Наши кресты.
Небу навстрѣчу открыли объятья...
Плакать, рыдать здѣсь нельзя.
Грезятъ побѣдами павшие братья, —
 Къ славѣ ведеть ихъ стезя!

M. Веселкова-Кильшицетъ.

ПѢСНЬ О СМЕРТИ.

Кто стучитъ въ мое окно?
Подошелъ, — за нимъ темно.
Я подумалъ: дождикъ дробный,
Листъ засохній, вѣтеръ злобный
Бьются въ стекла... Нѣтъ, — давно
Смерть стучить въ мое окно.
Я очнулся, я приникъ:
Вижу смерти бѣлый ликъ,
Слышу зовъ Россіи вѣщій,
Слышу битвы громъ зловѣщій.
Я очнулся, я приникъ...
Смерть мнѣ машетъ: — „Эй, ко мнѣ!
Посмотри, — земля въ огнѣ.
Я вѣнецъ даю герою,
Царство будущее строю.
Слава праведной войнѣ,
Жизни, зрѣющей въ огнѣ!..“
— „Ты жестока и стара!“
— „Нѣтъ, я добрая сестра.
Въ этотъ часъ въ твоей отчизнѣ
Только я свѣтлѣе жизни.

Выходи за мной, пора.
Я святая, я сестра...“
Я склонился, замолчалъ.
Старый миръ безумнымъ сталъ.
Съ долгой жаждой наготовъ
Истомился онъ по крови.
Какъ я жалокъ, какъ я малъ
Передъ часомъ, что насталъ!
Смерть, возьми меня съ собой
Въ этотъ бой, всемирный бой,
Что волнами жаркой крови
Духъ земной очистить вновъ.
Кто отступитъ предъ судьбой?
Смерть, возьми меня съ собой!

Дм. Цензорз.

ПЕРВЫЯ ПАНИХИДЫ.

Торжественно-печальны пъсношнья,
Дрожащихъ свѣчъ неровенъ блѣдный свѣтъ...
О павшихъ воинахъ возносятся моленья,
Душа полна печали и смятенья.
Они ушли — ихъ больше съ нами нѣть!..
Они ушли въ расцвѣтъ лѣтъ и силы.
За родину пожертвовавъ собой.
За рубежомъ ихъ братская могила
Другихъ бойцовъ на подвигъ вдохновила—
И новые ряды идутъ на бой.
Не надо слезъ! И смолкнуть пусть рыданья...
Ихъ конченъ путь и славенъ ихъ удѣль, —
Ихъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣту воздыханья.
Земныхъ скорбей, печали и страданья,
Призвалъ Господь почить отъ ратныхъ дѣлъ!

Евгений Рыниковъ.

ПЛѢНИМТЬ.

Поклонъ вамъ отъ родины милой —
Туда, въ иноземную даль.
Не знайте тревоги унылой,
Забудьте тоску и печаль.

Мгновенны ненастье и бѣды.
Какъ прежде, свѣтлы небеса,
И свѣтлою пѣсней побѣды
Звенять и поля, и лѣса.

И, вызволить русскаго рады —
Того, кто случайно плѣненъ,
Спѣшать боевые отряды
Подъ сѣнью родимыхъ знамень...

Поклонъ вамъ отъ родины милой.
Горячею лаской полна,
Плѣненныея кровныя силы
И помнить, и любить она.

Танкредъ.

ПѢСНЯ НАДЪ РУБАШКОЙ.

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролетъ,
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сонъ усталыхъ очей не сомкнетъ.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только -- плакать, молиться и ждать.

Вотъ ужъ скоро работа готова,
Ужъ немного осталося мнѣ...
Ахъ, кому ты придешься, обнова,
На далкой, на страшной войнѣ?

Кто тебя, какъ подъ праздникъ, надѣпетъ..
Собираясь безтrepidно въ бой.
Или послѣ окоповъ замѣнить
Всю измокшую ветошь тобой?

И пойдетъ ли въ тебѣ онъ къ побѣдамъ?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемы слѣдомъ
Въ смертный часъ обожжетъ полотно?

Кто бъ ты ни былъ, мой воинъ безвѣстныи,
Но съ надеждой въ работу мою
Я съ молитвой Царицѣ Небесной
Образокъ освященный запью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли?..
Но пускай тебя въ битвѣ, какъ щитъ,
Отъ меча и отъ вражеской пули
Мягко вымытый холстъ защититъ!

Въ немъ жаркія слезы защиты,
Всѣ тревоги безсонныхъ ночей...
Вѣдь иной, вѣдь надежнѣй защиты
Не найти мнѣ для жизни твоей.

Вдругъ — ниспослано будетъ судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Вѣлій холстъ мой прикроетъ собою
Моего ненагляднаго грудъ?...

Не его—не его—такъ другого!
Для него пусть другая сошьеть...
Все равно для кого — я готова
Просидѣть всю-то ночь напролетъ!

Сколько женщинъ отъ края до края
Наклоняются нынче къ шитью,

И дрожитъ въ нихъ душа, замирая,
О любимыхъ, далекихъ—въ бою...

Сколько молять въ тоскѣ безутѣшиой,
Какъ и я, на великой Руси:
Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшної—
Моего дорогого спаси!

Сердце мое надрываеться,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только—плакать, молиться и ждать!

T. Щепкина-Куперникъ.

ОБРАЗОКЪ.

Дорогое предвѣщанье,
Встрѣчи радостной залогъ--
Милой ручкой на прощанье
Мнѣ повѣщенъ образокъ...

Ужъ давно меня съ другими
Поѣздъ мчитъ на смертный бой,
Но мечтами дорогими
Я--сѣть тобой еще... сѣть тобой!

И надеждой, тихимъ миромъ
Вдругъ смѣняется тоска,
Чуть коснусь я подъ мундиромъ
Дорогого образка...

Шумны возгласы и рѣчи,
Звонъ оружія кругомъ...
Ближе, ближе время встрѣчи--
Боя съ бѣшенымъ врагомъ!..

Пусть кровавою волною
Бой кипитъ, суровъ, жестокъ...
Я спокоенъ: ты—со мною.
Мой завѣтный образокъ...

Вл. П. Лебедевъ.

* * *

Закружился, словно выюга,
Грозный кличъ: война! война!
Провожая мужа-друга,
Плачетъ русская жена:

„Скоро, витязь мой желанный,
„Ты пойдешь на смертный бой.
„Богъ вѣнчаетъ славой бранной
„Тѣхъ, кто жертвуетъ собой.
„Ты пойдешь на подвигъ ратный,
„Образокъ возьми. Въ слезахъ
„Я молилась Благодатной,
„Передъ Ней склоняясь во прахъ, —
„И Владычица покровомъ
„Зашититъ тебя святымъ.
„Буду ждать тебя подъ кровомъ.
„Я съ малюткою своимъ.
„Вѣковѣчной Ярославной
„Буду здѣсь я тосковать,
„Буду ждать побѣды славной.
„Буду сердцемъ друга звать“.

А надъ русскою землею
Въется кличъ: война! война!
Смѣло рвется витязь къ бою.
Плачетъ вѣрная жена.

A. Волынцева.

СРЪТЕНЬЕ ЦАРЯ.

Народъ съ утра спѣшилъ на площадь
Къ дворцу на срѣтенье Царя.
Тѣснилась флаговъ русскихъ роца,
Цвѣтами яркими горя.
Національныхъ пѣснопѣній
Опять катился мощный валь.
И Александра вѣцій геній
Вѣнокъ побѣды поднималъ.

Да, не бывало у столицы
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ подъѣздѣ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ.
Примчались сербы, намъ родные,
Быть пышень быстрый съѣздъ Двора.
И проходили запасные
Подъ клики дружного „ура“.

До полдня близко было солнцу,
Когда раздался пушекъ гуль.
Глазами къ каждому оконцу
Народъ съ мечтою жадной льнуль.

Изъ церкви доносилось пѣнье...
Передъ началомъ битвъ, какъ встарь,
Свершивъ великое моленіе,
Къ народу тихо вышелъ Царь.

Что думалъ Онъ, въ тотъ мигъ великий.
Что чувствовалъ, Державный, Онъ,
Когда восторженные клики
Неслись къ нему со всѣхъ сторонъ?
Какая сказочная сила
Была въ благихъ Его рукахъ,
Которымъ мечь судьба вручила
На славу намъ, врагамъ на страхъ!

Какъ море въ мощный часъ прилива,
Народный хоръ не умолкалъ,
И Царь, внимая терпѣливо,
Главу отвѣтно наклонялъ.
Къ нему невидимыя нити
Изъ всѣхъ сердцъ неслись, горя...
Такъ въ незабвенный часъ событий
Свершилось срѣтенье Царя.

Сергѣй Городецкій.

СПАСИ, ГОСПОДИ, ЛЮДИ ТВОЯ...

Ласковый сумракъ лампады полночной
Тихо въ глаза мнѣ глядить,
Словно луна въ этотъ часъ неурочный
Комнату всю серебрить.
Хочется вѣрить, чему-то молиться—
Только молиться не въ мочь...
Встать бы, предъ образомъ тихо склониться
Съ робкой мольбой въ эту ночь:
Боже! не надо мнѣ яркихъ видѣній—
Близкихъ душъ сохрани!
Съ жаркой мольбою тогда на колѣни
Встану, какъ въ прежніе дни...

A. Случевская-Коростовецъ.

* * *

Листокъ осенний цвѣта крови
Я шлю на грозныя поля—
Гдѣ гуломъ зыблется земля,
Гдѣ рвы и рѣки цвѣта крови...
Гдѣ дышать пламенной грозой
Неумолимыя орудья...
И жутко мнѣ, какъ отъ безлюдья...
И сердце полнится грозой.
Ахъ, если бъ сердце переслать
Съ листкомъ краснѣющими въ конвертѣ.
Убить любовью ужасъ смерти,
Любовь и душу переслать!
Летѣть туда, гдѣ рѣки крови,
Гдѣ гуломъ зыблется земля—
Летѣть на грозныя поля
Листкомъ осеннимъ цвѣта крови!..

Яковъ Годинъ.

* * *

На безумныхъ враговъ человѣка,
Ради братской всемѣрий любви,
Ополчился весь міръ —и безумцы
Захлебнутся въ невинной крови.
Грозно мчатся вездѣ другъ на друга
Тучи скованныхъ смертью людей,
Всѣ въ крови и въ дыму, и въ пожарахъ
Всѣ въ крови!
За свободу отъ страшнаго рабства
Всюду льется горячая кровь,
На развалинахъ царства безумныхъ
Навсегда воцарится любовь.

Л. Андрусонъ.

Б О Е В А Я.

Стой! Ровнѣй! Плечо къ плечу!
Чу!

Кровью воздухъ напоенъ,
Слѣва, справа —всюду стонъ...
Штыкъ впередъ! Шеренгу вздвой!
Въ бой!

Слышиши, воюющій набать?
Стонеть гулко мѣдный адъ,
Небо—пламень: все въ крови..
Или!

Пусть легитъ шрапнель, звения,
Пляшетъ смерть среди огня...
Знай, зарядовъ не жалѣй,—
Бей!

За спиною край родной
Ждетъ своихъ орловъ домой,
Побѣдите здѣсь, а тамъ—
Къ намъ!

Кто багровый тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гудитъ?
Страшенъ смѣхъ въ такую ночь!
Прочь!

6*

За далекимъ лѣсомъ мать
Васъ послала умирать,
Оросила васъ слезой...

Стой!

Эй, кто живъ, постройся въ рядъ,
За снарядомъ шли снарядъ,
Цѣлься мѣтко—Богъ за насть...

Разъ!

Як. Окуневъ.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА.

Таящій смерть, таинственный и грозный,
Во мглѣ пучинъ ползетъ желѣзный кротъ.
Онъ страшенъ всѣмъ—и яхтѣ граціозной,
И крейсерамъ, стальнымъ владыкамъ водъ.

Его глаза, сроднясь съ зеленою мглою,
Какъ у акуль, сверкаютъ злымъ огнемъ,
И видитъ онъ во мракѣ подъ водою,
Какъ видимъ мы, питомцы суши, днемъ.

Его шаги безшумны и зловѣщи,
Не слышитъ ихъ надводный часовой,
И въ грудь врага его стальные клещи
Куда хотятъ—ударъ направлять свой.

И страшенъ онъ, какъ смерть, въ минуту гибели.
Царемъ морей нѣтъ силъ бороться съ нимъ:
Онъ жалитъ ихъ межъ лать желѣзныхъ, въ чрево
Его жъ укусъничѣмъ неисцѣлимъ.

Ударъ, огонь—и нѣтъ владыки моря!
Идеть ко дну, закованный въ броню,
Тотъ властелинъ, кто, съ моцью молнией споря,
Кто громъ таилъ, готовый вѣчно къ бою,

И пролагалъ сквозь бури сѣмѣлый путь,
Могъ сѣять смерть и все предать огню;
Кто быть привыкъ и видѣть предъ собою
Лицо врага и вражескую грудь.

А здѣсь предъ нимъ невѣдомый и страшный
Приносить смерть, а самъ неуязвимъ,
Съ нимъ не сойтись открыто въ рукопашной,
Не умереть въ объятьяхъ вмѣстѣ съ нимъ:

Придеть во мглѣ, укусить, ядовитый,
И вновь уйдеть въ зеленомъ мракѣ водъ,
И лишь вдали, туманами сокрытый,
Межъ гребней волнъ на мигъ одинъ всплыветъ.

Вокругъ него плывутъ, качаясь, трупы,
А онъ, борьбой и кровью опьяненъ.
Стонть межъ скаль и, прячась за уступы,
Вновь жертву ждетъ, зловѣщій скорпионъ.

B. Вегеновъ.

МАРОДЕРЪ.

Голубѣютъ сумерки, и слышишь
Въ нихъ земля таинственную быль...
Вѣтеръ сонный ласково колышеть
Зыбко никнущій, испуганный ковыль...

Разбѣжится и, забывшись въ бѣгѣ,
Набѣжитъ на жуткій слѣдъ гробницъ—
На куски изломанной телѣги
И на маски жуткихъ, мертвыхъ лицъ...

А едва лишь станутъ дали хмуры
И затихнетъ у окоповъ стукъ,
Въ поле выползутъ оскализья фигуры,
Шаря землю щупальцами рукъ...

— „Трупъ...“ Вокругъ слезящіяся кочки...
— „Есть...“ Кинжалъ врѣзается въ сукно,
Рветъ на шеѣ тонкую цѣпочку
И бросаетъ алое пятно...

СТАРЫЙ ВОПРОСЬ.

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы неумѣстной.
Предъ строемъ опасныхъ враговъ,
Сомкнемся спокойно и тѣно.

Не надо обманчивыхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій;
Но Рокъ подымаетъ вопросъ:
Мы кто въ этой старой Европѣ?

Случайные гости? орда,
Пришедшая съ Камы и съ Оби.
Что яростью дышитъ всегда,
Все губить въ безмысленной злобѣ?

Иль мы—тотъ великий народъ,
Чье имя не будетъ забыто,
Чья рѣчъ и понынѣ поетъ
Созвучно съ напѣвомъ санскрита?

Иль мы—тотъ народъ-часовой,
Сдержавшій напоры монголовъ,
Стоявшій одинъ подъ грозой
Въ вѣка испытаній тяжелыхъ?

Иль мы—тотъ народъ, кто обрѣлъ
Двухъ сфинксовъ на отмели невской,
Кто міру титановъ привелъ,
Какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій?

Да, такъ, мы—славяне! Инымъ
Донынѣ ль нашъ родъ ненавистенъ?
Легендой ли кажутся имъ
Слова историческихъ истинъ?

И что же! священный союзъ
Ты видиши, надменный германецъ?
Не съ нами ль свободный французъ,
Не съ нами ль свободный британецъ?

Не надо заносчивыхъ словъ,
Не надо хвальбы величавой.
Мы явимъ предъ лицомъ вѣковъ,
Въ чёмъ наше народное право.

Не надо несбыточныхъ грезъ,
Не надо красивыхъ утопій.
Мы старый рѣшаємъ вопросъ:
Кто мы въ этой старой Европѣ?

Валерий Брюсовъ.

РОДИНА

СЪ НАМИ БОГЪ!

Русь! Къ рубежу твоему подошелъ
Врагъ, беззастѣнчивый, смѣлый, лукавый!
Въ бой ополчайся на подвигъ, кровавый!
Выше вздывайся, красавецъ двуглавый,
Мощный, побѣдный, державный орелъ!

—

Витязей-внуковъ безстрашная рать
Помнить, какъ или чудо-витязи-дѣды
Съ недругомъ биться мечомъ до побѣды
Грудью впередъ, а нагрянули бѣды—
Лечь за Царя и за Русь умирать!

Смѣло навстрѣчу военныхъ тревогъ!
Духомъ не пали мы тяжкой годиной!
Дружной семьею, что стаей орлиной,
Встанемъ за родину вѣсъ, какъ единый,
Русь отъ врага отстоимъ! Съ нами Богъ!

Н. Б. Хвостовъ.

О РУСЫ

Въ голодѣ, въ холодѣ—скудная, сѣрая,
Грѣшная хмельной гульбой,
Ты ль это, крѣпкая, съ сплою, съ вѣрою
Нынѣ возстала на бой?

Ты ль это грозно—волной перекатою
Бросила гнѣвную рать,
О необѣятная, о непонятная,
Въ пламени яркомъ заря незакатная,
Наша великая мать!...

Ты — точно море, что бездною зыбкою
Кроетъ свои жемчуга,
Ты— точно Волга, что съ кроткой улыбкою
Нѣжитъ волной берега,
Ждешь, когда вѣтры завоютъ налетные,
Ждешь половодной весны,
Чтобы явить тогда мѣру—несчетные
Грозно-прекрасные сны!..

...Туча надвинулась. Нивы убогія
Скрыла великая тѣнь...

Вдругъ поднимаются гордыя, строгя,
Духомъ — высокія, силою — многія
Дѣти твоихъ деревень...
Вдругъ—безъ конца, безъ предѣла, нежданыя,
Деньги рѣкой потекли...
Гдѣ жъ они иниція, темныя, пьяныя
Дѣти убогой земли?

И всенародной страдою омытая —
Всѧ-то чиста да бѣла,
Мощью вѣнчанная, славой повитая,
Ты свою рать повела...
Въ сѣчѣ кровавой врага ослабѣлого
Ты погнала предъ собой...

Ты — это ты быстролетнаго, смѣлаго
Сына любимаго — кречета бѣлаго —
Слала въ подоблачный бой...
Въ мирѣ — смиренная, въ битвѣ — отважная,
Краше завѣтной мечты,
Въ бранной порfirѣ царица сермяжная —
Русь — это ты!..

Мазгли.

РУСЬ.

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горить во тьмѣ заря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Съ тобою Богъ... Съ тобою Царь...
Съ тобою правда Божья...
Не ты ли въ мрѣ, какъ алтарь,
Алтарь средь бездорожья?..

Не по тебѣ ль прошелъ Христосъ
Отъ края и до края,
Алмазы чистыхъ свѣтлыхъ слезъ
На грудь твою роняя?..

Не ты ли, мудрая, какъ змій,
И кроткая, какъ голубь,
Пробѣши во мракѣ злыkhъ стихій
Таинственную прорубь?..

И брызнеть свѣтлая струя,
Вѣщая правду Божью,
Во мракъ земного бытія,
Измученнаго ложью!..

Мужайся, Русь! Великъ твой стягъ,
Стягъ правды и свободы,
И предъ тобою дрогнетъ врагъ,
И ницъ падутъ народы...

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горитъ во тьмѣ заря твоя,
Горитъ, не угасая!..

Евгений Намѣтнichenko.

S A L U T E.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
И съ вѣрой въ Бога—скорѣй впередь!
Пропитанъ воздухъ багровой пылью,—
Святое дѣло вдали васъ ждетъ.

Впередь! Съ надеждой во мракъ вечерній,—
И пусть не выдастъ родного братъ,
Сплотитесь мощнo, не бойтесь терній,
Слѣдить за вами Господень взглядъ.

Орлы Россіи, расправьте крылья!
Не бойтесь черно-багровыхъ тучъ,—
И врагъ иредъ вами падеть въ безсплын,
И солнце правды засвѣтить лучъ.

Мих. Андреевъ.

УШЛИ.

Ушли!.. Все глуше стукъ колесъ,
И красный глазъ зажмурилъ вѣки
Подъ тихій шумъ осеннихъ слезъ
Въ родной, задумчивой проесьѣ.

Ушли... и снова та же тишина,
Стальные рельсы смотрятъ строго...
И ты одна, и все глядишь
Туда, куда легла дорога,

И крестишь, крестишь въ сотый разъ,
Съ молитвой въ чистотѣ блескъ взора,
Тотъ путь, гдѣ скрылся красный глазъ,
Куда ушли они такъ скоро...

Ив. Соколовъ.

НАШИМЪ ДѢТЯМЪ.

Дѣти, вы просите радостной сказки,
 Той, что была такъ свѣтла...
Знайте, померкли волшебныя краски,
 Сказка уже умерла.

Не одноглазый силачъ Верлока
 И не старуха-Яга,—
Съ нами сражается, зла и жестока,
 Сила германца-врага.

Дѣти, забудьте героевъ любимыхъ.
 Вашей волшебной страны,
Подвиги воиновъ нашихъ родимыхъ
 Въ сердцѣ хранить вы должны.

Помните тѣхъ, кто безъ ужаса смерти
 Съ мужествомъ встрѣтилъ врага:
Дѣти, молитесь о храбромъ Альбертѣ.
 Жизнь его намъ дорога,

И сохраните въ душѣ вашей дѣтской
Память о томъ, кто въ бою
Отдать за Русь на чужбинѣ нѣмецкой
Юную душу свою.

Память Олега свѣтлѣй вашей сказки,
Той, что была такъ свѣтла...
Дѣти, померкли волшебныя краски,
Сказка уже умерла.

Tamiana Bergman.

РАЗГОВОРЪ СЪ МИРОЛЮБЦЕМЪ.

(По Гомулицкому).

(Съ польского).

-- Молитву ты оставь, склони на землю вѣжды;
На домъ твой врагъ напалъ и грабить въ немъ добро.

-- Христосъ Самъ палацамъ раздалъ свои одежды;
Пусть грабятъ золото мое и серебро.

— Мы на врага могли бъ теперь напасть пежданио;
И утолить на немъ могли бы мести пыль.

— Но мстить намъ запретилъ Онъ, терніемъ Вѣнчанный,
Онъ кровлю своей отъ мести нась омыль.

-- Врагъ заострилъ свой мечъ. Онъ съ тѣломъ твою душу
Загубить навсегда. Возьми копье и щитъ.

— Велѣнья Господа я все же не нарушу.
Молчаль Господь, когда оплеванъ былъ и бить!

— Весь въ пламени твой домъ, горятъ твои закромы.
И полонъ воиновъ твой тихій, мирный дворъ.

— Мой скарбъ—цвѣты души. Ни молнии, ни громы
Ихъ не разрушать вѣкъ и не отниметъ воръ...

— Ты слышишь стоны ли? Твой край изнемогаетъ.
На родину твою накинулись враги!
То плачетъ родина и сына призываетъ.

— Къ оружію, скорѣй! Господь, мнѣ помоги!..

И. Григоріевская.

СОНЕГЪ ПЕТРОГРАДУ.

Не говори: „Что въ имени!“... Оно
Не только слуху легкая услада.
„Санктъ-Петербургъ“ забыть намъ суждено
Для милаго, роднаго Петрограда.

Всплыть будто жемчугъ, брошенный на дно...
Лишь новый звукъ... по общая отрада.
Осенний лучъ свѣтлый глядить въ окно,
И ожила гранитная громада...

О, городъ скучи, сплина и чиновъ,
Какъ ты воопряль!.. У невскихъ береговъ
Зажгла фонарь веселая наяда...

Играютъ волны рѣзвою гурьбой.
А тамъ, вдали, кипитъ кровавый бой
За мѣръ... за Русь, за славу Петрограда.

А. Мейсперъ.

КАЗАКИ

ВЪ СТАНИЦѢ.

Къ запруженной рѣкѣ спускаюсь косогоромъ.
Колеса тормозитъ тяжелый черноземъ...
Мы пышные хлѣба на дняхъ уже свезѣмъ. —
Работа начата, торопимся съ уборомъ...

Вдали безбрежна степь за лентою рѣки,
Лишь вкраплены кой-гдѣ какія-то кочевья.
Станица надъ рѣкой: фруктовыя деревья,
И бѣлые дома, и сизые дымки...

Что это? нраздникъ сегодня?
Люди у каждыхъ воротъ.
Отперта церковь Господня,
Валомъ къ ней валитъ народъ...

Изъ-за садовъ переулка
Сколько сбѣжалось ребятъ...
Колоколь тяжко и гулко
Разомъ ударить въ набатъ...

Около той водокачки
Что-то читается вслухъ,—
Плачутъ, я вижу, казачки,
Скачать казакъ во весь духъ...

Лица задумчиво строги,
Замеръ подавленный крикъ...
На поворотъ дороги
Крестится дряхлый старикъ...

Всѣ говорять, что хорунжій
Громко рассказывалъ тутъ,
Будто бы съ Терека, съ Сунжі
Наши полки ужъ идутъ...

Сборъ объявили сегодня,—
Къ вечеру выступить полкъ...
Отперта церковь Господня,
Благовѣстъ грянуль... и смолкъ.

Онъ замеръ, отлетѣлъ куда-то въ даль безъ грани,
Чтобъ тамъ откликнуться въ тиши другихъ станицъ
И вмѣстѣ всѣхъ сплотить, зовя на поле браны
Предъ волей Господа смиренно павшихъ ницъ...

О, моцная земля!.. мы даже этимъ сборомъ
Всѣхъ гордыхъ силъ твоихъ не вырвемъ, не свезѣмъ...
Глубоко онъ залѣгъ — твой южный чернозѣмъ,
И сѣверъ твой дремучъ своимъ извѣчнымъ боромъ...

B. Опочининъ.

НОЧЛЕГЪ КАЗАКОВЪ.

I.

Послѣ шумнаго набѣга,
У спокойныхъ водъ рѣки,
Выбравъ мѣсто для ночлега,
Стали станомъ казаки.
Спутавъ крѣпко, въ лугъ пустили
Утомившихся копей
И окрестность освѣтили
Яркимъ заревомъ огней.
И подъ небомъ необъятнымъ
На равнинѣ луговой
Мирно отдыхомъ пріятнымъ,
День, вѣнчаютъ трудовой.
Надъ огнемъ варится ужинъ.
Дремлетъ призрачный просторъ.
Про дѣла дневныя дружентъ,
У казаковъ разговоръ.
Дышать рѣчи ихъ отвагой
При рассказахъ, какъ они
Разудалою ватагой
На враговъ неслись одни;

Какъ съ ордой рубились цѣлой.
Быстрымъ вихремъ налетѣвъ,
Наводя атакой смѣлой
На врага и страхъ и гнѣвъ.
И печально въ чувствѣ новомъ,
Въ рѣчи дружеской своей
Поминаютъ добрымъ словомъ
Павшихъ съ славою друзей...
Чу! вотъ пѣсню запѣваютъ
Молодые голоса;
Пѣсни льющіеся внимаютъ
И просторъ и небеса.
И звучить въ той пѣснѣ вольной
Далеко для всѣхъ сторонъ
Слава родинѣ раздольной.
Гдѣ течетъ широкій Донъ.

II.

Стихло все въ казачьемъ станѣ.
Вокругъ костры потушены,
Безмятежно спать въ туманѣ
Дона славные сыны.
Отъ труда почила сила,
И надъ ней со всѣхъ сторонъ
Ночь свой пологъ распустила.
Бережетъ казачий сонъ.
Лишь одинъ подъ кровомъ ночи
Бодръ и чутокъ часовой,
Вдалъ свои вперивши очи,
Озираеть мракъ ночной.

Неподвижна и угрюма
Спитъ равнина широка,
И идетъ за думой дума
Въ головѣ у казака.
Въ сторонѣ волною мѣрной
Блещеть рѣчка, какъ алмазъ,
И небесъ просторъ безмѣрный
Смотрить тысячами глазъ.
Будто эти звѣзды-очи
И поля и небосклонъ
Берегутъ въ молчаныи ночи
Удалызовъ желанный сонъ.

С. Толстовъ.

КАЗАЧЬЯ ПСНЯ.

Изъ-подъ кочекъ, изъ-подъ пней
Лѣзеть врагъ оравой!
Гей, казаки, на коней
И айда за славой!
Мать, не хмурь сѣдую бровь,
Провожая сына;
Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-дивчина!
Ты судьбинѣ не перечь,
Не кручинься слезно;
Всѣмъ придется въ землю лечь
Рано или поздно.
Помни—срока своего
Смерть не проворонить!
А кому не срокъ—того
И въ бою не тронеть!
На враговъ, чертамъ на зло,
Налетимъ мы бурей!
Это наше ремесло
Цѣловаться съ пулей!

Гей, зудитъ моя рука,
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

Таетъ, таетъ сизый дымъ...
Ты прощай, станица,
Мы тебя не посрамимъ,
Будемъ лихо биться!

Отшвырнемъ съ родной земли
Нѣмцевъ въ ихъ берлогу,
Даже, если бъ имъ пришли
Черти на подмогу!

Пусть придутъ.... Среди гостей
Больше будетъ крику.
Потому что... и чертей
Мы возьмемъ на пику!

Гей, зудитъ моя рука,
Будетъ съ нѣмцемъ рубка!
Помолись за казака,
Бѣлая голубка!

H. Агнивцевъ.

СТОРОЖЕВОЙ ПИКЕТЬ.

Спустилась ночь, луна сияла,
Кругомъ миръ Божій мирно спалъ,
На небѣ звѣздѣ семья блестала,
И ангелъ смерти пролеталъ.

Подъ луннымъ свѣтомъ на полянѣ
Стоялъ пикетъ сторожевой,
Онъ вспоминалъ о вражьемъ станѣ,
О томъ, какъ шелъ вчерашиій бой,
Какъ вдругъ нежданно изъ засады
Онъ на враговъ своихъ напалъ,
Какъ истреблялъ всѣхъ безъ пощады,
Кто на пути его стоялъ.

Чу! шорохъ, вотъ мелькнула пика,
Невнятный слышенъ разговоръ,
Безшумно, тихо и безъ крика
Шелъ казаковъ ночной дозоръ.
„Нароль!“ Но нѣть врагу отвѣта,
Идетъ впередъ дозоръ ночной,
Блеснуль огонь — и нѣть пикета,
Что вспоминалъ вчерашиій бой.

Луна попрежнему сияла,
Семьею звѣздной сводъ блесталъ,
А груда тѣль уже лежала
На мѣстѣ, где пикетъ стоялъ...

Тихобережескій.

ГОЛОСТЬ ДОНА.

Посвящаю первому георгіевскому кавалеру донскому казаку Козьмѣ Крючкову.

I.

Утромъ рано — только тучку
Подрумянилъ свѣтъ —
Вѣстовой привезъ летучку,
Боевой пакетъ.
Вызывали атамана
На станичный сходъ,
Табунами изъ тумана
Повалилъ народъ.
Выходили изъ станицы
На зеленый лугъ,
У студеной у криницы
Становились въ кругъ.
— Поздравляю вѣсъ походомъ! —
Гаркнуль атаманъ.
Веколыхнулся надъ народомъ
Голубой туманъ,
И, какъ пыль отъ урагана,
Какъ степной огонь,
Отъ кургана до кургана
Понеслось: „На-кѣнь!“

Загудѣла вся станица,
Ахнули въ набатъ,
Сторонится вереница
Молодыхъ ребятъ,
Тутъ и гики, тутъ и крики,
Гомонъ до небесъ,
Тутъ и шашки, тутъ и пики —
Ровно темный лѣсъ;
Тотъ береть на изготовку,
Цѣлится щутя,
Тотъ казеннную винтовку
Гладить, какъ дитя...
Только старый дѣдъ Данило,
Шипкинскій герой,
Смотрить строго и уныло
На казачій строй
И ворчить, кусая трубку
И глотая дымъ:
— „Эхъ, пропишутъ вонче лушку
Нашимъ молодымъ.
Раньше — дѣло было въ силѣ
Да цѣнили пыль,
Только тѣ и выносили,
Кто при силѣ быль;
Коли биться — тѣло въ тѣло,
У ноги — нога,
Не казачье это дѣло —
Не видать врага;
А теперь — умомъ да толкомъ.
Порохъ да свинецъ.
Ковырнетъ тебя осколкомъ —
И погибъ допецъ!

Миновали наши лавы
Со щетиной никъ,
Не несетъ намъ больше ставы
Нашъ казачий гикъ;
Басурмана, какъ овечку,
Не спибенъ съ плеча...“
И старикъ полѣзъ на печку,
Сумрачно ворча.

Свечерѣло. Словно ладонь.
Плаваетъ туманъ.
Мокрымъ глазомъ глянуль на донъ
Старый атаманъ,
У околицы станицы
Придержалъ коня,
Сунулъ пригоршню землицы
За бортъ чекменя
И, тряхнувши головою
На честной народъ,
Золотою булавою
Указалъ впередъ...
Огласили бабы крики
Дальние концы,
Закачались плавно шики
И — ушли донцы...

II.

По-надъ яромъ, по-надъ Дономъ
Не видать ни зги:
Тихо шепчутъ по затонамъ
Заросли куги.

Снить казацкая станица
Грустно, какъ вдова.
Гдѣ-то мечется зарница,
Да кричитъ сова.
Землю тучей осѣнило, —
Нѣ-на-что глядѣть...
Вышелъ старый дѣдъ Данило
Къ Дону посидѣть.
Что-то ноетъ поясница,
Да мутить въ груди.
А уснешь, — такое снится.
Что не приведи...
Сѣлъ Данило надъ водою
На корявый пень.
Спуталъ руки бородою
И застыль, какъ тѣнь...
Тихо лижутъ берегъ воды.
Ходять безъ слѣда.
И припомнилъ, старый, годы
Браннаго труда:
Какъ ходилъ въ чужія страны
Изъ родимыхъ мѣстъ
Добывать на тѣло раны,
На рубаху кресть.
Видитъ, старый, чы-то муки,
Боевой угаръ
И протянутыя руки
Стонущихъ болгаръ.
А теперь — опять граница
Окунулась въ кровь,
И родимая станица
Опустѣла вновь:

Какъ и прежде — ратью бравой.
Заметая слѣдъ,
Казаки поплыли за славой...
А Данило — нѣтъ.
Не даютъ ему дороги —
Древнія лѣта:
Слабоваты стали ноги
И рука не та...
Гдѣ ему за казаками?
Что ему война?
И развелъ старикъ руками:
— Вотъ, тебѣ и на!

Вътерь чубъ сѣдой колышеть
У закрытыхъ глазъ...
Вдругъ Данило ясно слыпить
Чей-то властный гласъ:
— «Эхъ, Данило! Грѣхъ мараться!
Не бѣда, не трусы:
Коли нѣту силы драться,
Такъ умри за Русь!»
Нолыхнуло въ небо пламя
Гдѣ-то у куги.
Развернулось въ небѣ знамя.
И — опять ни зги...
Только гдѣ-то у затона
Колыхнулась зыбь,
Да то скливо возтѣ Дона
Простоиала вынь...
Всталъ старицъ тогда съ колоды,
Шапку набекренъ,
Поглядѣть туда, гдѣ воды,

И пошел въ курень.
— „Ну-ка, мать! Разставь-ка плечи!
Разомни персты!
Доставай-ка пику съ печи
Да давай кресты!
Ну-ка, внукъ! Иди со свѣтчкой!
Живо у меня!
Выноси сѣдло съ наебѣчкой
Да сѣдлай коня!
Молодайка! Гдѣ нагайка?
Киверъ не забудь!
Да вина мнѣ мѣру дай-ка
На великий путь!“
Вытерь губы атаманецъ,
Сивой бородой,
Щеку выкрасиль румянецъ,
Вьется усъ сѣдой,
Киверъ валится на темя,
Сталь звенить въ чехлѣ...
Шевельнуль ногою стремя
И пропалъ во мглѣ...
* * * * *
Туча небо затемнила.
Спи, старуха! Спи!
Матерой казакъ Данило
Далеко въ степи.

Владиміръ Воиновъ.

ГЕРОИ

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА.

Поэзия его любовью окружила,
Сознанье русское въ души его зажгла
И въ руку юную на бой съ дракономъ зла
Архистратига мечъ восторженно вложила.

Съ призыва родины — въ ней вдохновенъя сила —
Сраженій не страшна таинственная мгла,
Младого витязя судьба туда вела,
Гдѣ доблестъ русская былины воскресила.

Онъ побѣдилъ и палъ. Надъ свѣжею землей
День сѣвера ронилъ печально хлопья снѣга.
Надъ гробомъ хмурился товарищъ боевой.

Сии, витязь! Надъ тобой священный ицитъ Олега.
Да будетъ благостенъ безвременный твой сонъ.
Мечтой народиою, красою всѣхъ временъ!

Вл. Жуковскій.

ГЕРОЯМЪ.

Подъ волнами бурной стихіи,
Въ равнинахъ враждебной страны
За славу великой Россіи
Погибли вы, жертвы войны.

Вась смерть безпощадно косила,
Сметала, врываясь, шрапнель;
Вышли, и предъ вами свѣтила
Въ дыму лучезарная цѣль.

Сквозь залпы, сквозь адское пламя,
Въ туманѣ кровавой дали,
Вамъ вѣяло гордое знамя
Великихъ народовъ земли.

Въ кровавомъ струящемся потѣ,
Но съ ясной надеждой въ груди
Вы знали, за что вы пдеге,
Вы знали, что ждеть впереди.

Вы пали у пушекъ „Паллады“,
Въ дремучихъ Карпатскихъ лѣсахъ.
Герои не ждали награды,—
Награда ихъ ждеть въ небесахъ.

Вашъ даръ драгоценъ отчизнѣ.
И вѣрьте — изъ вашей крови
Мы встанемъ къ торжественной жизни —
Свободы, добра и любви.

B. Гумковский.

РАДКО-ДМИТРИЕВУ.

Великая сердцу отрада:
Недавно къ намъ вѣсти дошли,
Что съ нами герой Лозенграда
Изъ дальней болгарской земли.
Блестящий на полѣ сраженья.
Онъ помнить славянскій завѣтъ,
Не знать онъ въ сердцѣ сомнѣнья,
Въ душѣ колебанія неѣтъ.
Расправя орлиныя крылья,
За братцевъ онъ ринулся въ бой,
Наигръ вождь и отважный, и сильный,
Любимый славянскій герой.
Врагу приведется не сладко,
Пришла подсчитаться пора.
Да здравствуетъ Дмитріевъ-Радко!
Вождю-славянину ура!

H. K. Савенко-Новоспасская.

МИРЬ ПАВИИМЪ.

Луна веходила надъ полемъ битвы,
Туманы никли къ сырой землѣ,
И Ангелъ Смерти творилъ молитвы,
И плакать кто-то въ осенией мглѣ.

Въ трапезяхъ труны лежали всюду.
Вдали, темнѣя, молчалъ курганъ,
И поле труповъ и мертвыхъ груду
Окутать тихо ночной туманъ...

— Миръ павиимъ въ битвѣ!—шептали травы...
Звучалъ невнятно далекій звонъ...
— Миръ павиимъ людямъ—героямъ, славы!..
Пошли, Спаситель, имъ тихій сонъ!..

Кругомъ безмолвию ложились тѣни.
Блѣдиѣли труны родныхъ солдатъ.
И Ангелъ тихо, склонивъ колѣни,
Паскалъ ихъ лица, какъ иѣжинъ братъ...

На влажныхъ травахъ лучи сверкали.
Роса роняла алмазовъ пыль.
Кругомъ молились ночные дали,
И плакалъ нѣжно сухой ковыль...

— Миръ навшимъ братьямъ... Васть много пало!..
И Ангелъ тихо ронялъ слезу.
Молитвѣ небо вверху внимало,
Безъ словъ молилась земля внизу...

Вл. Краковецкий.

«ВЪ ВОЮ».

(Посвящается памяти А. А. Лавница).

Онъ мимо насть прошелъ, спокойно улыбаясь,
Съ сияющимъ лицомъ, веселый, молодой,
Привѣтливо рукой махнуль намъ, удаляясь,
И крикнулъ: „Вотъ и я иду на этотъ бой!“
Солдаты шли, крестясь, спѣшили догоняя,
Пригорокъ ихъ намъ скрылъ... Шелъ сильный бой кругомъ,
Шрапнели сыпались, свистя и завывая,
И яркій день горѣлъ въ сияни золотомъ!
Вернулся онъ чрезъ часть иль два, не болѣ...
Качаясь, тихо къ намъ носилки поднесли,
Поставили у дома ихъ на полѣ,
И странно-грустные, смущенно отошли.
— Что? раненъ? — Кто?... съ невольною тревогой
Спросилъ одинъ изъ насть...
Шинелью весь закрыть,
Недвижно онъ лежалъ въ какой-то позѣ строгой,
И кто-то отвѣчалъ: „Поручикъ нашъ... убить!“
И, странно, на глазахъ спокойнаго солдата
Явилась горькая блестящая слеза...

Приподняли шинель... и горькая утрата
Невольно странностью смущила намъ глаза.

— Какъ! Онъ? Что здѣсь прошелъ такой веселый, милый,
Въ комъ била жизнь ключомъ еще вотъ здѣсь, сейчасъ,
Онъ, взять теперь бежалостной могилой?

— Не можетъ быть, чтобы онъ ушелъ отъ насть!
И слезы шли въ глаза...

А онъ лежалъ спокойно.
Съ улыбкой тихою и кроткой на устахъ.
Перекрестились мы...

Вдали къ оконамъ стройно
Перебѣгать папъ полкъ, среди огня, въ цѣпяхъ.
И, съ нимъ сплотясь, попали мы къ общей цѣпи.
Мгновеніе грусти было и пропало.
Мы двинулись впередъ... Кругомъ рвались шрапнели.
А солнце въ небесахъ горѣло такъ свѣтло.

Князь Федоръ Касаткинъ-Ростовскій.

ПАМЯТИ НЕСТЕРОВА.

Есть высший смыслъ въ освобожденьи
Отъ предрѣшеннаго конца
И въ этомъ жертвенномъ паденьи
На смерть всиарившаго бойца.

Пусть, ноломавъ стальныя крылья,
Погибли оба летуна, —
Надъ вѣщимъ прахомъ ихъ безсилъя
Живая истина ясна.

У одного быть ястребиный,
Жестокій, медленный расчетъ,
А у другого лебединый,
Свѣтло-восторженный полетъ.

И если смерть ихъ поравняла.
То не сравняетъ ихъ поэты:
У пѣсни вѣчное начало
И для поэта смерти нѣтъ.

Все такъ же царственno спокосиъ
Просторъ безмѣрию голубой,
Крылатый быть его достопитъ
Иувѣнчать своей судьбой.

A. Рославлевъ.

ПѢСНЬ О НЕСТЕРОВѢ.

Въ безбрѣжности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Сражались лишь птицы и гибли лишь птицы донынѣ.
Такъ птицѣ подобный, полетъ свой направивъ могучій,
Унесся пилотъ легкокрылый за темныя тучи.
А тамъ, на землѣ, колыхаясь, знамена шумѣли,
И лязгали сабли, и пушки зловѣще гремѣли.
И пламенiu богу войны посыпать онъ молитвы;
И очи горѣли и звали и жаждали битвы...
Величие духа въ равнинѣ обманчиво-зыбкой,
Презрѣніе смерти подъ свѣтлою солнца улыбкой...
Мольбы не напрасны. Велѣнію рока послушный,
Противникъ ужъ рѣтъ кругами въ стихіи воздушной.
И дрогнуло сердце. Рука, какъ пружина стальная,
На руль налегла. Встрепенулась машина живая...
Чти, родина, память героя! Рѣшеніе созрѣло.
Мгновеніе—и врѣзался дерзко онъ въ хрупкое тѣло.
Пощады не знаетъ стихія. Побѣда наградой...
И пали противники грузной и страшной громадой...
Въ безбрѣжности неба, въ безкрайности ясной пустыни
Лишь птицы сражались и гибли лишь птицы донынѣ.

Б.Л. Череvковъ.

НА СМЕРТЬ ЛЕТЧИКА.

Предо мною образъ павшаго героя,
Не могу я думать ни о чёмъ другомъ...
Онъ поднялся въ небо, въ небо голубое
Мощнымъ, смѣлымъ, гордымъ, пламеннымъ орломъ.

Онъ увидѣлъ: тѣнью черной, хищной итицы
Цеппелинъ германцевъ надъ родной землей.
Веныхнули отвагой зоркия зѣницы...
Онъ взметнулся легкой, грозною стрѣлой.

И не стало въ небѣ черной, хищной тѣни...
Не вернулся больше къ родинѣ герой.
Хочется невольно преклонить колѣни
Предь какой-то грустной, трепетной мечтой.

Г. Галина.

БѢЛЛА ОДЕЖДА.

Въ ночь скорбей три дѣвы трехъ народовъ
До разсвѣта не смыкали вѣжды:
Для своихъ, для навшихъ въ ратномъ полѣ
Шили дѣвы бѣллыя одежды.

Первая со злобой ликовала:

„Та одежда плѣннымъ пригодится,
Шью ее отравленной иглою,
Чтобы ихъ страданье насладиться!“

А вторая дѣва говорила:

„Для тебя я шью, о мой любимый!
Нусть весь миръ погибнетъ лютой смертью,
Только бъ ты былъ Господомъ хранимый!“

И шептала тихо третья дѣва:

„Шью для всѣхъ, будь другъ онъ или ворогъ,
Если кто, страдая, умираетъ,

Не равно ль онъ жалокъ намъ и дорогъ!..“
Умилилась въ небѣ Матерь Божья,
Тѣ слова предъ Сыномъ повторила,
Третью дѣву бѣллую одежду
На Христовы раны положила.

„Радуйся, воистину Воскресший!
Скорбь Твоихъ страданій утолится,—
Нынѣ спита кроткими руками
Чистая Христова плащаница“.

H. Тѣффи.

МАТЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНЬЕ МАТЕРИ.

Мой сынъ, прости за эти слезы!
Прости, что плачу я теперь!
Вѣдь плачутъ о вѣтвяхъ березы,
О дѣтяхъ плачетъ всякий звѣрь.

И какъ не плакать мнѣ, мой милый!
И какъ не плакать, не рыдать?
Гдѣ взять мнѣ твердость, гдѣ взять силы?
Вѣдь я... пойми, мой сынъ... я мать!

Мы все отдать должны отчизнѣ
Движенемъ собственной руки,
И даже то, что краше жизни,
Хоть рвется сердце на куски.

Я отдаю тебя, я тоже...
Ступай съ врагомъ въ смертельный бой...
Ступай!.. ты жизни мнѣ дороже!
Ступай, прощай, Господь съ тобой.

И. Гриневская.

МАТЬ.

Сходить ночи тьнь...
Я не знаю сна...
У дверей весь день
Провожу — одна...
Злая грусть одна
Сердце жжетъ огнемъ —
Вспоминаю я
Все о немъ... о немъ!
Здѣсь послѣдній разъ,
У родныхъ дверей,
Капли жаркихъ слезъ
Онъ отеръ скорѣй...
Оторвалъ уста
Отъ родныхъ сѣдинъ...
Жизнь блѣдна, пуста
Безъ тебя, мой сынъ!
Ты умчался вдалъ
На кровавый бой,—
Но моя печаль
И мольба — съ тобой!
Не могу съ тѣхъ поръ
Отдохнуть - заснуть...

Мой печальный взоръ,
Видить дальний путь...
Видеть громъ и кровь
Средь чужихъ равнинъ, —
Но моя любовь —
На тебѣ, мой сынъ!
И незримый щитъ
Материнскихъ слезъ, —
Онъ тебя хранитъ
Отъ кровавыхъ грозъ...
И тебя обнять
Ждеть скорбъ, скорбъ —
Ждеть старушка-мать
У родныхъ дверей, —
Гдѣ, крестя на бой,
Злую скорбь тая,
Зарыдавъ, — съ тобой
Попрощалась я!..

B. Vadimova.

* * *

Я четыре сына въ мукахъ родила, —
Выросли четыре горные орла.
Какъ пожаръ нежданный, вспыхнула война,
Напоила кровью землю допьяна.
И ушли два старшихъ со своимъ полкомъ.
Плакала я горше съ каждымъ новымъ днемъ.
Плакала, молилась. Вѣсти тутъ пришли:
Оба старшихъ сына въ полѣ полегли.
Третій проситъ-молитъ: „Отпусти меня,
Хочется погрѣться въ сѣчѣ средь огня,
„Гдѣ кружатся пули — майскіе жуки.
„Какъ ежи щетиняясь, высятся штыки...“
Какъ и два другие, не вернулся онъ. —
Ночью я слыхала похоронный звонъ...
Поутру сегодня я въ окошко глядѣ, —
Младшій мой собрался, видно, воевать.
Вижу, чистить сбрую, ладить онъ коня,
И несмѣло молвитъ: „Отпусти меня!
„Отпусти, родная, я-то ворочусь;
„Постоять охота за святую Русь.
„Вѣрь, въ кровавой битвѣ спуску я не дамъ.
„Эхъ, ужъ справлю тризну по своимъ братьямъ!

Наталія Грушко.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

И повѣдала Оринушка
Миѣ печаль свою великую.

Н. А. Некрасовъ.

Тамъ и тамъ — могилы братскія,
Тамъ и тамъ — печали жгучія!
Вновь Орина, мать солдатская,
Слезы литьево горючія.
Черной ночкой, непривѣтною
Смотрятъ будни деревенскіе.
И печалью безпросвѣтною
Истомились души женскія.
Съ поля жаркаго сраженія
Не приходитъ вѣсть желанная.
Что ей рѣчи утѣшнія —
Если въ сердцѣ мгла туманная?
Злыя думушки — расходятся.
Не уймутся, окаянныя!
Гдѣ-то, гдѣ теперь находятся
Наши соколы желанные?
Прежней лаской не согрѣтые.
Гдѣ кормильцы тратятъ силушки?

Можетъ, даже не отпѣтые
Снять они на днѣ могилушки?
И предчувствія тяжелыя
Давять грудь безъ сожалѣнія,
Сны проходятъ невеселые
Про кипучія сраженія.
Вотъ — лежитъ сыночъ въ полянушкѣ,
Пораскинувъ руки въ стороны,
Русокудрому Иванушкѣ
Очи выклевали вороны.
Надъ сыномъ шумитъ-качается
Пожелтѣвшая рябинушка.
И средь ночи просыпается
Неутѣшная Оринушка.
Снова бѣдной представляется
Голосъ Вани... Поступь смѣлая...
Отъ рыданій колыхается
На груди рубашка бѣлая...
Тамъ, гдѣ въ сердцѣ боль всечасная,—
Сонъ не служить обороною...
И рыдаетъ мать несчастная
До утра передъ иконою.
Умъ, печалью затуманенный,
За соломинку цѣпляется:
Можетъ, живъ Ванюша раненый,
Можетъ даже — поправляется?
Можетъ, выйдя изъ сраженія,
Спить сыночекъ отъ усталости?
Развѣ бѣднымъ нѣть спасенія?
Развѣ нѣть у Бога жалости?
Я ль предъ Господомъ преступница
За печаль свою постылую?

Охрани его, Заступница,
Защищи Свою силою!
Вѣдь въ любой извѣстна мѣстности
Тяжесть горя неполинскаго! —
Хуже горькой неизвѣстности
Нѣть для сердца материнскаго!
Сила таетъ, словно свѣченка,
Льется пѣсня похоронная...

• • • • •
Мало словъ, а горя рѣченка,
Горя рѣченка бездонная!

Ал. Дрождининъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Что спою, дитя, тебѣ,
Сидя у кроватки?
Цѣлый миръ теперь въ борьбѣ,
Миръ весь въ грозной схваткѣ.
Ты растешь въ суровый часъ,
Въ часъ грозы кровавой...
Врагъ надвинулся на насть
Злобный и лукавый.
Нѣть! не пѣснь „баю-баю“
Спѣть хочу младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу нѣмцу!

* * *

Сокрушить насть, наглый швабъ
Мысль въ душѣ лелѣтъ...
Погибаетъ тотъ, кто слабъ, —
Мощный одолѣтъ!
Закружился старъ и малъ
Въ страшномъ ураганѣ...

Тотъ проснулся, кто дремалъ. —
Онъ на полѣ брали!
Стану ль пѣснь „баю-баю“
Пѣть теперь младенцу?..
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу!

* * *

Крошка ты, — но что до лѣтъ?
Тѣхъ съ тобой мы встрѣтимъ,
У кого пощады нѣтъ
Женщинамъ и дѣтямъ.
Тамъ, гдѣ, злобою горя.
Рыщетъ швабовъ стая,
Тамъ мы крови льемъ моря. —
Это кровь святая!
Нѣтъ! не пѣснь „баю-баю“
Я спою младенцу...
Встань! за родину свою
Встань навстрѣчу Нѣмцу.

Бенедиктъ.

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ

СЕСТРА.

Незнакомая, чужая,
У походного одра
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.
Изъ столичной ли ты знати.
Или родъ безвѣстенъ твой,—
Ты къ больной, родимой рати
Входишь ласковой сестрой.
Гдѣ отъ вражьяго порѣза
Кровь струилася ручьемъ,
Гдѣ входило въ грудь желѣзо,
Ты стоишь съ своимъ крестомъ.
Свѣта блескъ, веселья звуки
Ты сумѣла позабыть
И изнѣженныя руки
Въ раны тяжкия вложить.
Породила васть невзгода,—
И богатыхъ, и простыхъ,

Всѣ вы—дочери народа.
Всѣ вы—сестры для своихъ...
Эти раны—ваша раны,
Эта кровь—и ваша кровь.
На одинъ вы подвигъ званы,
И у всѣхъ одна любовь.
Отъ жестокаго соѣда
Мать-Россию отобъемъ,
Будетъ русская побѣда
И съ желѣзомъ, и съ крестомъ.
Незнакомая, чужая,
У походнаго одра,
Всѣмъ близка ты, всѣмъ родная,
Милосердія сестра.

П. Вильде.

СЕСТРА.

Ты ушла свѣтло и смѣло
Отъ родимыхъ мѣсть.
На твоей одеждѣ бѣлой
Рѣбеть красный крестъ.
Подъ монашеской косынкой
Строгъ лучистый взоръ.
Не тебя ли „Нѣжной Никой“
Звали до сихъ поръ?
Ты всегда любила, Ина,
Тонкій ядъ духовъ,
Томный рокотъ шанино,
Мѣрный ладъ стиховъ.
И нѣжна всегда была ты,
И мечтала вслухъ...
Какъ же ты сковала въ латы
Свой дѣвичій духъ?
И зачѣмъ убрала гладко
Золото кудрей?
И откуда эта складка
У густыхъ бровей?
И откуда рѣчи эти,
Сродныя бойцу?

Развѣ ты готова встрѣтить
Смерть лицомъ къ лицу?
Слышишь, ласковая Ина,
Сильная въ борьбѣ:
Стонеть бранная равнина
И зоветъ къ себѣ.
Тамъ, где сизый дымъ простерла
Грозная война,
Плещутъ воюющія жерла
Дождь изъ чугуна;
Груды тѣль вѣнчаетъ Слава,
Кровью Смерть пьяна...
Ты спокойна, величава,—
Ты сильна, сильна!
Ты къ бойцамъ на поле браны
Сходишь съ высоты
Приложить къ смертельной ранѣ
Хрупкіе персты.
Ты безъ сна у шаткихъ коекъ
Бродишь до утра,—
Всѣмъ, кто воинъ, всѣмъ, кто стоекъ,
Добрая сестра.
Что въ послѣдній мигъ шептала,
Какъ смотрѣла ты,—
Если смерть бойцу представала
Въ образѣ мечты?
Смѣлымъ символомъ надежды
Пусть горятъ окресть
Бѣлый цвѣтъ твоей одежды
И багряный крестъ.

Дм. Пензоръ.

О—ГА А—НА.

„Называйте *сестрой*, не высочествомъ!“
И за ватой упла, за бинтомъ...
Сынъ войны, не страдай одиночествомъ:
Тотъ, кто возлѣ нея, — подъ щитомъ.

Въ каждомъ словѣ ея — утѣшеніе,
Въ каждомъ взглядѣ — не тѣнь ли Христа!?
Взоръ — печалей людскихъ угашеніе,
А улыбка, какъ небо, чиста.

Та рука, что углами и красками
Жизнь умѣла кидать на холсты,
День и ночь занята перевязками
Вдалекъ отъ мірской пустоты.

Лазаретъ... Но два міра въ немъ сближены
Въ вихрѣ бранныхъ, воинственныхъ дней...
Мудрено, если жертва отъ хижины,
Но любовь отъ падать мудренѣй.

A. Мейснеръ.

(СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ.

И каждый день въ косынкѣ блон
Она приходитъ въ лазаретъ,
Чтобы стереть рукой умѣлой
Горючей крови яркій слѣдъ.

И всѣ такъ ждутъ ея улыбки,
Ея движенья, нѣжныхъ словъ,
И знаютъ, знаютъ безъ ошибки
Чуть слышеный звукъ ея шаговъ.
Нальеть изъ крашеной бутылки
И молвить тихо:—„Не робѣй!“
А тамъ ужъ новыя носилки
Стоять угрюмо у дверей.

Вчера ихъ лица были грубы,
Сурова каждая черта,
А нынче, обнажая зубы,
Улыбка сходить на уста.
И всѣмъ отвѣтить. И проходитъ
Среди раздавленныхъ войной.
И каждый въ ней свое находитъ,—
Забытый образъ дорогой.

И мнится, изъ деревни дальней
Къ нему пришла родная мать,
Чтобы безмолвно и печально
Его глаза поцѣловать.
И, позабывъ о жгучей боли,
Онъ засыпаетъ тихимъ сномъ.
Онъ засыпаетъ. Снится поле,
Рѣка, деревня, отчій домъ.
Она не спить. Другихъ разспроситъ,
Утѣшить боль глухихъ скорбей...
А тамъ еще, еще приносять
И ждутъ угрюмо у дверей.

A. Бонз.

АНГЛІЯ

ПІСНЬ БРИТАНЦА.

Насъ не сломитъ нужда,
Не согнеть насъ бѣда,
Рокъ капризный не властенъ надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будутъ рабами!

Въ нашемъ славномъ краю
Чутъ свободу мою,
Домъ мой—крѣость, законы—кольчуга!
За отчизну мою
Кровь до капли пролью.
Оторвусь и отъ книгъ и отъ плуга!

Пусть тевтоновъ орда
Снаряжаетъ суда
Въ тищетной жаждѣ царить надъ морями,—
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Имъ не быть въ нашемъ царствѣ царями!

Славенъ Англіи родъ,
Живъ британскій народъ:
Старъ и малъ, всѣ пдуть подъ знамена!
Гей! враги у воротъ!
Англичане, впередъ!
Отбивайте атаки тевтона!

Врагъ силенъ? Не бѣда!
Пропадетъ безъ слѣда,
Коль желаетъ господства надъ нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будуть рабами!

Коль не хватить солдатъ,
Старики станутъ въ рядъ,
Будутъ дѣти и жены бороться!
Адвокать и прелатъ,
И бѣднякъ, и магнатъ —
Всѣ, въ комъ сердце британское бьется!

Насъ не сломить бѣда,
Не осилить орда,
Только Богъ Всемогущій надъ нами!
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Англичане не будуть рабами!

Василій Князевъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

ПѢСНЯ, сложенная шотландскими полками, сражающими-
мися на франко-бельгийскомъ театрѣ войны.

(Переводъ съ англійскаго).

Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли.
Мы не устанемъ играть.

Смотри, поклонись Парижу,
Смотри, не забудь Лувень.
Откружившись въ Рижскомъ заливѣ,
Вернись на Марну и Энт.
А только ужъ будто просто
Плясать безъ перемѣн?

Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и вспять,
Зови танцоровъ, Вилли.
Мы не устанемъ играть.

Что? Распустить музыкантовъ?
Э, нѣть, еще не конецъ!

Пляши ужъ, разъ пляшешь, Вилли,
Пляши, несчастный глупецъ!
Пляши до одури, Вилли,
Опять, и опять, и опять,—
Пока мертвымъ не грохнешься на земль...
Мы не устанемъ играть!

A. Д'Актиль.

БЕЛЬГИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМНЪ.

Оковы рабства вѣкового
Стряхнула Бельгія, какъ мракъ,
Завоевавъ отвагой снова
Свои права и честь, и стягъ.
Рукою гордой и державной
Народъ, отвергшій зло препонъ,
Внесетъ въ скрижаль отчизны славной:
Король, свобода и законъ!

Иди рѣшительной стопою
Къ успѣхамъ доблестнымъ впередъ,
Богъ неусыпно за тобою
Слѣдить, исполненный щедротъ.
Трудись: пусть трудъ обогащаетъ
Твои обилѣмъ поля
И ореолъ искусствъ вѣнчаетъ
Законъ, свободу, короля!

Всѣхъ старыхъ брагьевъ сблизимъ съ нами.
Съ кѣмъ были мы разлучены.
Батавы, Бельги, ставъ друзьями,
Не жаждутъ болѣе войны.

Пусть узы братства насть скрѣпляютъ,
Какъ миръ согласиемъ скрѣплень,
И тотъ же кликъ объединяетъ:
Король, свобода и законъ!

О, Бельгія, мать дорогая,
Ты намъ близка, ты будешь жить!
Мы, кровь и сердце отдавая,
Клянемся родинѣ служить!
Ты будешь мощной и прекрасной
Въ своемъ единствѣ для временъ.
Девизъ твой въ кликѣ громогласномъ:
Король, свобода и законъ!

Леонидъ Афанаſьевъ.

БЕЛЫИ.

Король-Баярдъ, безъ страха и упрека,
Отмѣченный для подвига судьбой,
На грудь свою, по грозной волѣ рока,
Ты принять первый, самый страшный бой.

Король-Баярдъ, ты, чей девизъ — „свобода“,
Чей благородный духъ неустранимъ,—
Пошелъ ты смѣло во главѣ народа,
Чтобъ до конца испить всю чашу съ нимъ.

Войны кровавой мрачная страница
Нолна нежданной, свѣтлой красоты:
Вѣдь льва любить способна только — львица,
Не разлучить ихъ царственной четы.

Опасности, отчаянье, невзгоду
Она съ тобою дѣлить пополамъ.
Вѣрны вы оба своему народу,
Какъ вашъ народъ остался вѣренъ вамъ.

Въ истории безстрастная скрижали
Священная внесутся письмена,
О томъ, какъ слово вы свое сдержали,
И какъ за то погибла вся страна.

О, если бы опять она окрѣпла,
Минувшими страданьями горда,
Какъ феникѣъ, снова возродясь изъ пепла
Для счастія и мирнаго труда!

Молва казнить злодѣевъ вѣроломство,
Героевъ — ждеть и память, и почтѣ:
Тебя — Великимъ назоветъ потомство,
Елизавету — Вѣрной наречетъ.

Вы заедужили лавры вѣчной славы,
И ты, король, и твой народъ-герой:
Но плачьте, плачьте, мощнагя державы,
Надъ младшею прекрасною сестрой.

За васъ она пошла въ борьбу безъ стона,
За васъ всей кровью жертвуетъ родной...
Склонитесь же съ почтеніемъ, знамена,
Предъ маленькой великою страной!..

T. Ценкина-Куперникъ.

БЕЛЬГИЯ.

(Сонетъ).

Страна, достойная гекзаметровъ Гомера,
Иль Данте скорбнаго святыхъ терциий;
Страна, гдѣ отъ поденщика до мэра
Соглаены всѣ и каждый — гражданий.

Твой гордый духъ, твоя въ законность вѣра
Сильнѣе мощности твоихъ машинъ,
И твердости твоей отнынѣ мѣра —
И грозный Льежъ, и жертвенный Малинь.

Еще мятутся битвы и пожары,
Но близокъ часъ неотвратимой кары
Надъ самовластьемъ горестно-смѣшнымъ.

Ты, Бельгія, — Европы факель бѣлый,
И твой король великодушно-смѣлый
Въ такой странѣ не можетъ быть инымъ.

Ал. Рославлевъ.

БЕЛЬГИИ.

На помоиць Бельгії! Скорѣй!
Она въ бою изнемогаетъ.
Задушень крикъ ея дѣтей, —
Пощады слабымъ врагъ не знаетъ.

Всѣ силы въ жертву принесла.
За ближнихъ смѣло грудью встала,
Она въ бою изнемогла —
Всю кровь безъ стона отдавала.

Горитъ и гибнетъ край родной.
Водой изъ рѣкъ залиты нивы,
Стѣна пылаетъ за стѣной,
Карнизовъ рушатся извины.

Святые храмы, города
Разграбилъ врагъ съ своей ордою.
Дворцы, лачуги, — безъ слѣда
Взорвалъ, сгубилъ, сравнялъ съ землею.

Цвѣтуцій край... Когда ты вновь
Еще воспрянешь къ мирной жизни?
Вездѣ тѣла твоихъ сыновъ.
И мародеровъ гнусныхъ тризны...

На помошь храбрымъ! Все впередъ!
За жизнь геройскаго народа!
Страна бельгийцевъ не умретъ,—
Живъ ихъ король, законъ, свобода.

И. Тимковский.

БЕЛЬГИЙЦАМЪ.

Въ трудахъ вы мирно жизнь вели,
Трудомъ все создали народнымъ.
И каждый клинъ родной земли
Цвѣтущимъ сталъ и плодороднымъ.
Селенья ваши, города,
Заводы, фабрики и копи,
Какъ символъ мощнаго труда,
Служили образцомъ Европѣ.
Но вдругъ вашъ трудъ нарушенъ быть.
Вы дождались иного часа:
Врагъ вашу землю затопить
Волною иущечнаго мяса.
И, вмѣсто трудовыхъ знаменъ,
Вы развернули боевыя.
Врагъ дерзокъ, хищенъ и силенъ,
Но вы — герой огневые.
Васъ не смутилъ набѣгъ врага.
Вы дружно, какъ одинъ, возстали.
Вамъ честь отчизны дорога,
А ваша доблѣсть крѣнче стали.
И врагъ усилилъ подло месть,
Нозоромъ заклейменъ отныне.

Онъ позабылъ и женшинъ честь,
И уваженіе къ святынѣ.
Все осквернилъ безстыдно врагъ.
И вы съ надеждою одною
Рѣшились на послѣдній шагъ,
На подвигъ дорогой цѣною.
Пусть гибнутъ нивы и поля,
Пусть гибнутъ города, селенья...
Пускай разорена земля
Цѣной отъ варваровъ спасенья!
Плотины взорваны. Вода
Сметаетъ варваровъ отряды.
Они спасаться, но куда?
Кругомъ вода — и иѣть пощады!
Послѣдній шагъ — девятый валъ,—
И врагъ сметенъ стихіей водной...

Но край цвѣтуцій нынѣ сталъ
Чустыней топкой и бесплодной...
Бельгіцы! Суждено вамъ знать
Не только горе и печали.
Въ страданьяхъ за отчизну-мать
Вы радость подвига узнали.
Пройдуть года. Потомковъ судъ
Спокойно прошлое разсудить.
Благословеннымъ бытъ вашъ трудъ,
А подвигъ вашъ священнымъ будетъ.

Милий Стремиль.

АНТВЕРПЕНЬ ПАЛЬ.

Антверпенъ паль! Изнемогая,
Въ огнѣ великаго костра
Горишь ты, Бельгія святая,
Народовъ чистая сестра.
Твои оплоты и твердыни
Превращены въ холмы руинъ.
Святой вѣнецъ твоей гордыни
Сорвалъ безумный властелинъ.

Антверпенъ паль! Поникъ въ бореньи
Съ грозой германскихъ батарей.
Какъ поникаетъ на аренѣ
Борецъ межъ алчущихъ звѣрей.
Въ его геройскія становья,
Въ дворцы искусства и труда
Нахлынула древневѣковья
Безчеловѣчная орда.

Антверпенъ паль! Но духъ нетѣбній
Не обезсиленъ, не падеть!
Еще подъемлетъ мечъ священный
За честь поднявшіяся народъ,
И три союзныя державы,
Чьихъ силъ стремительныхъ не счѣсть,
Несутъ знамена бранной славы,
Л на знаменахъ слово: „Месть“!

Дмитрий Цензоръ.

УТВІШЕНІЕ БЕЛЬГІИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщањахъ правда мудрая порой.
То, чemu пок рить сердце, совершилъ народъ-герой.

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ.
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ.

Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долинъ,
Будеть нашими войсками взять заносчивый Берлинъ,

И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ.
Злой народъ, который грабитъ, испытаетъ Божій гнѣвъ.

О, герой, народъ бельгійскій! испытаний часть насталъ.
Вся земля взята врагами, и Антверпенъ крѣпкій палъ.

И сиѣшать къ союзнымъ ратямъ утомленные полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ рыцарей тоски!

А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.

Но, я знаю, не трепещетъ духъ Альберта короля.
Онъ свободными увидитъ скоро милыя поля.

Ужъ идетъ ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ..

Только правда — путь къ побѣдѣ, только вѣрность —
вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвицаній, такъ и мудрость говоритьъ.

Федоръ Сологубъ.

АНТВЕРПЕНЬ.

Пусть это времяя далеко,
Антверпенъ! — И за моремъ крови
Ты памятенъ мнѣ глубоко...
Рѣчной туманъ ползеть съ верховій
Широкой, какъ Нева, Эско.

И надъ спокойною рѣкой
Въ туманѣ тепломъ и глубокомъ,
Какъ взоръ фламандки молодой,
Нѣть счета мачтамъ, верфямъ, докамъ.
И пахнетъ счастью и смолой.

Тревожа водянную гладь.
Въ широко стелющемся дымѣ
Ужъ якоря готовъ отдать
Тяжелый двухмачтовый стимеръ:
Ему на Конго курсъ держать...

А ты — во мглу вѣковъ, глядись
Въ спокойномъ городскомъ музѣ:
Тамъ царствуетъ Квентинъ Массенъ;
Тамъ въ складки платья Соломен
Цвѣты изъ золота вплелись...

Но все — притворство, все — обманъ:
Взгляни наверхъ... Въ клюкѣ лазури.
Мелькающемъ черезъ туманъ,
Увидишь ты предвѣстье бури —
Кружашійся аэропланъ.

Александъръ Блокъ.

ТРИ КРЕСТА.

О. Бельгия, земля святыхъ смертей!
Ты на крестѣ, но духъ твой живъ и воленъ.
И передъ нимъ — что кровь твоихъ дѣтей
И дымъ и гарь воздушныхъ колоколенъ?
На Польшу, близкую сестру, взгляни, —
Нѣть изумительнѣй ея удѣла:
Безумнемъ пылающіе дни
Ей два креста судили: на одномъ
Ея истерзанное тѣло, —
Душа нѣмая на другомъ.
Но сочтены часы томленья,
Господь страданій не забудетъ.
Голгоѳа — ради воскресенія,
И вѣруемъ, — да будетъ!

З. Гиппіусъ.

АНТВЕРПЕНЪ.

Надъ павшимъ городомъ лежала ночь устало.
По мертвымъ улицамъ куда-то шли враги...
И въ жуткой тишинѣ стариннаго квартала
Звучали мѣрные, тяжелые шаги...

Ползли, какъ призраки, орудій вереницы.
Темнѣли въ сумракѣ ряды чужихъ солдатъ,
И молча шли войска по улицамъ столицы,—
Шли за своей судьбой, чтобы не притти назадъ...

И конница, звеня по плитамъ тротуара,
Безмолвно двигалась куда-то на востокъ, —
Туда, гдѣ ждетъ ихъ смерть, невѣдомая кара,
И местью сторожить невѣдомый имъ Рокъ...

Кругомъ нѣмая ночь стояла тьмой упорной,
Кралася всюду смерть, вперивъ тяжелый взоръ...
И шли войска впередъ, колеблясь массой черной, —
Шли за своей судьбой на гибель и нозоръ...

Вл. Краковецкій.

ЛЪЕЖЪ.

Когда рабы слѣпой гордыни
Свою стотысячную рать
Вели на чуждая твердыни
Побѣдоносно умирать,
И озвѣрѣлые отряды
У непредвидѣнной черты,
Презрѣвъ опасности преграды,
Пошли стѣною на форты.—
Тогда на льежеские окопы,
На этотъ жертвенный очагъ
Лицо измученной Европы
Взирало съ ужасомъ въ очахъ,
И стономъ гулкаго набата
Печальной Бельгии сыны
Встрѣчали зарево заката
Своей поруганной страны.

• • • • •
Но часъ насталъ. На полѣ брани,
Подъ несмолкаемое „hoch!“
Сошлись сверкающія грани
Мечомъ разсѣченныхъ эпохъ;

И къ исторической развязкѣ,
Кровавымъ жребиемъ горды,
Попали сверкающія маски
Цивилизованной орды.
Взвилась сигнальная ракета,
Проснулась каменная твердь,
И мимо тяжкаго лафета
Прошла невидимая смерть.
Минуты шли... Форты молчали...
Взирая грозно на луга,
Они молчаніемъ ветрѣчали
Непримиримаго врага;
И только въ сумрачныя дали
Дышали черные круги,
Да тихо дула осѣдали,
Слѣдя постѣдніе шаги.
Но вотъ надъ прусскими штыками
Метнулася гулкая волна.
И золотыми языками
Одѣлась черная стѣна...
Завыли радостныя дула.
Вздохнула грозная скала
И гуломъ буйного разгула
Смела кровавыя тѣла...
И пали дерзкіе отряды.
Огнемъ заражатые въ тиски.
И рвали жадные снаряды
Чужіе трупы на куски:
Живое зарево залата
Одѣлось облакомъ сѣдымъ,
И слава прусского солдата
Подъ нимъ разсѣялась, какъ дымъ.

И пали¹ черниля тенета,
Вѣка сжимают¹я мѣръ,
И рухнулъ глиняный кумиръ
Подъ ношей собственного гнета...

Когда же смолкнули удары,
И черный гений отлетѣлъ,
И полевыесанитары
Убрали горы мертвыхъ тѣлъ, —
Тогда на льежскіе окопы,
На этотъ доблестный очагъ,
Лицо восторженной Европы
Взглянуло съ гордостьюю въ очахъ:
Зане на немъ разбилась слава
Двуличныхъ братьевъ во Христѣ²,
Что „правомъ силы“ „силу права“
Распяли нагло на крестѣ.

Владимиръ Воиновъ.

БЕЛЬГИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНЯ.

Спи, малютка, спи, младенецъ...
Я съ тобой. Усни.
Бросилъ свой кинжалъ чеченецъ.
Въ наши злые дни,

Не слыхать башибузука,
И хунхузъ молчитъ.
О разбойникахъ — ни звука
Свѣтъ не говорить...

Не слыхать и обѣ индѣйцахъ...
Баюшки-баю...
Я тебѣ о европейцахъ
Лучше пропою.

* * *

Слышишь, дѣтка, всѣхъ езываютъ?
Слышишь адекій шумъ?
Это нѣмцы въ насть стрѣляютъ
Пулями думъ-думъ...

Нынче небо смотрить хмуро,
И вездѣ — набать:
Это прусская культура
Двинула солдатъ.

Сбросить Бельгія вериги
Вражеской земли,
Въ школѣ будешь ты... А книги
Нѣмцы всѣ сожгли...

И въ странѣ геройской расы,
У цвѣтушихъ сель,
Нѣмцы выстроятъ фугасы
Вместо прежнихъ школъ.

А у лѣса, на опушкѣ
Гдѣ гуляли мы, —
Зачернѣютъ вражбы пушки
И фасадъ тюрьмы.

Но молись — другое время
Чтобъ пришло скорѣй:
Чтобы сгибло злое плѣмя
Наглыхъ дикарей.

Твой отецъ и дѣдъ — герои:
Ихъ запомнятъ врагъ —
Всѣ легли на мѣстѣ боя
За родной очагъ.

Подрастешь — и ты возмешься
Сразу за ружье, —

Тоже съ поля не вернешъся.
Дитятко мое...

Спи, ребенокъ, будь спокоенъ...
Повернись ко мнѣ...
Я горжусь, что новый воинъ
Будеть данъ странѣ...

* * *

Пусть душѣ и сердцу жутко —
Лучше будутъ дни...
Спи, младенецъ, спи, малютка,
Я съ тобой — успи.

Арк. Бухарев.

БРЮГГЕ.

Тихий Брюгге, тихий городъ
Бѣлоснѣжныхъ лебедей,
Полусонныхъ водъ зеленыхъ
И безмотивныхъ площадей!

Наклонялся ликъ Мадонны
Въ полуумракѣ строгихъ иницъ,
Гладь канала отражала
Черепицы острыхъ крышъ...

Укрывала сѣнь деревьевъ
Бѣлыхъ стѣнъ святой пріютъ,
Пролетали безъ печали
Тѣни свѣтлыхъ минутъ.

Только женщины чистыхъ сердцемъ
Эти стѣны стерегли:
Были чужды имъ вѣсъ нужды
И волненія земли.

Тамъ въ покоѣ проходили
Безмятежные года...

Ихъ жилище было чище
Лебединаго гнѣзда...

Плавно лебеди скользили
По зеленой глубинѣ,
Ихъ движенья отраженья
Повторяли, какъ во снѣ.

Въ часъ вечерний надъ водою
Пѣли пѣснь колокола,
Пѣснь святая, пролетая,
Миръ торжественный несла.

Городъ, сказка кружевная
Несказанной тишины,
Какъ жестоко издалека
Налетѣли злые сны!

Отразился рядъ развалинъ,
Въ тихомъ „Озерѣ любви“,
Всѣ каналы—блѣдно-алы
Отъ пожаровъ, какъ въ крови.

Надъ печальнымъ разрушеньемъ
Опустѣвшихъ площадей,
Улетая, плачетъ стая
Бѣлоснѣжныхъ лебедей.

О, куда пмъ путь направить
Изъ родимаго гнѣзда?
Дымъ и пламя надъ лѣсами
И пылаютъ города.

Рвутся ядра, свищутъ пули,
Надъ водой звучитъ набатъ...

Всюду смута — нѣть приюта,
Цѣлый край огнемъ объять.

Лебедей невинныхъ стая
На лету поражена...
Стонъ печальный... Кликъ прощальный...
Пѣсня смерти — вотъ она!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Къ страшной трапезѣ своей
Тучей смѣло налетѣла
Вмѣсто бѣлыхъ лебедей!

Нивы Фландріи несчастной,
Васъ жестокій ждѣтъ удѣль:
Лебедь чистый, серебристый,
Лебедь мира — улетѣль!

Стая вороновъ зловѣщихъ
Грозно кличетъ: „умираѣ“...
Нѣть! Ты встанешь, ты воспрянешь,
О безсмертный, смѣлый край!

Черныхъ вороновъ кровавыхъ
Ты прогонишь навсегда
Изъ родного, изъ святого
Лебединаго гнѣзда!

И услышиши, полонъ счастья
Новой жизни, новыхъ силъ,
Шумъ священный, неизмѣнныи,
Лебединыхъ мончихъ крыль!

T. Щепкина-Куперникъ.

ФРАНЦІЯ

ПАРИЖУ.

I.

О, городъ вольности, плѣнительный Парижъ!
Капризно-вычурный, но полный стройной мѣры,
Такой дурманяющій, влекущій, какъ гипнозъ,
Всегда загадочный, какъ странныя химеры.

Твой день исполненъ бурь. Твою ночною тиши
Волнуетъ сладкий грѣхъ утонченной Венеры.
Струится твой разсвѣтъ блесковато-сѣрый,
И жмутся призраки у старыхъ стѣнь и ишь...

Святые призраки Іоанны, Демулена
И пышнаго Гюго, и ницаго Верлена...
Бойцы и геніи, и все, чѣмъ ты царишь —

Что центромъ сдѣлалось всего земного лона,—
Великій санкюлотъ, народъ Наполеона.—
Все это Франція, все ты, Парижъ!

II.

Живя стремительно, касаясь хмельныхъ чашъ
Губами жадными, веселый горожанинъ,
Гаменъ и гражданинъ, ученый и апашъ,—
Ты обольстительно и ярко многограненъ.

Похожа жизнь твоя на красочный миражъ.
Твой взглядъ, изнѣженный любовью, затуманенъ.
Но клинокъ родина, и, смѣлый парижанинъ,
Ты жизнь любимую безиечно ей отдашь.

Для дерзостей мечты, не знающей преграды,
Ты рушишь прошлое и строишь баррикады.
Велить отечество — и доблестная рать

Въ походы грозные выходитъ спозаранокъ,
Любовницъ превративъ въ отважныхъ маркитанокъ.
Народъ, умѣвшій жить, умѣть умирать!

III.

Теперь, когда кипитъ всемирная война
И гибнуть въ пламени безнѣльные народы,—
О, Франція, купель священная свободы,
Да будешь ты судьбой навѣкъ сохранена.

Твою историю кровавая волна
Взметасть къ высотѣ, гдѣ лучезарны своды,
И Клія строгая запишетъ всѣ походы,
Тебя на вѣчныя прославивъ времена.

И никогда, Парижъ, твой гордый духъ печаля,
На радостный Монмартръ и на ступень Версала
Не ступить Пруссія—безчеловѣчный врагъ!

Всегда свободная, подъ звуки марсельезы,
За выюційся Маасъ, за тихія Вогезы
Неси, о Франція, побѣдоносный стягъ.

Дмитрий Цензоръ.

ПАРИЖЪ.

Пришла бѣда стопой тяжелой,
Святыни древнія въ огнѣ,
Но всталъ онъ, страшный и веселый.
Въ своей испытannой бронѣ.

Надъ разоренною Шампанью
Проходитъ въяніе грозъ...
Онъ, вѣренъ славному преданью,
Преобразился и возрѣ.

Безумна схватка исполиновъ,
Ожесточенія и долга,
Но вотъ, отъ стѣнъ его отхлынувъ,
Уходятъ полчища врага.

И трубы вражескаго стана
Звучать все глупѣ, и грозна.
Грознѣй сѣдого океана
Встаетъ народная война.

Внемлите гнѣвному Парижу!..
Онъ говоритъ родной землѣ:
„Я битвы новыя провижу
„И путь побѣдъ въ кровавой мглѣ.

„Я поздней жалости не внемлю...
„Тому я гибелю воздамъ,
„Кто дерзко топчеть нашу землю,
„Кто мечеть бомбы въ Notre-Dame

„Одѣтъ, какъ встарь, въ огни и въ дымы.
„Я буду мстителемъ обидъ...“
И въ часъ невзгоды онъ стонть,
Какъ Франція, непобѣдимый.

Д. Коковцовъ.

РЕЙМССКОМУ СОБОРУ.

Пусть нынѣ обликъ твой печаленъ:
Пусть онъ на прежний не похожъ...
Но въ грудѣ царственныхыхъ развалинъ,
Священный камень, ты—живешь!!!
Путь дней твоихъ такъ будетъ дологъ...
И въ жертву будущихъ временъ
Ты каждый сохранишь осколокъ
Своихъ разрушенныхъ мадоннъ.
Стоялъ ты семь вѣковъ... Не блекла
Краса твоихъ гранитныхъ кручъ,
И сквозь расписанныя стекла
Паскаль тебя вечерній лучъ...
Пройдуть вѣка... Промчатся рѣки...
Ты,—чудо всѣхъ чудесъ старѣй,—
Расскажешь о двадцатомъ вѣкѣ
И назовешь его звѣрей...

A. Мейснеръ.

РЕЙМСКИЙ СОВОРЬ.

(Стихотворение Эдмона Ростана).

Онь лишь безсмертнѣй сталъ благодаря врагамъ,
И мръ, любуясь имъ, съ прерѣніемъ отмѣтить
Слѣды презрѣнныхъ ордъ.
Пусть Фидіасъ отвѣтить, пусть скажетъ намъ Родэнт,
Не живъ ли Реймсскій храмъ?
Твердыня павшая ужъ не нужна войскамъ,
Но храмъ израненный любовь двойную встрѣтить.
Да, кровля сожжена,—тѣмъ ярче небо свѣтить
Сквозь кружево камней растроганнымъ очамъ.
Спасибо варварамъ: они французамъ дали
То, чѣмъ Эллады край одинъ былъ освященъ.—
Нетлѣнной красоты разбитыя скрижали.
Хвала губителямъ! Насилье—имъ законъ,
Имъ пушки—божество. И вотъ они создали
Себѣ въ вѣкахъ позоръ, намъ—вѣчный Пароенонт..

Перевель Н. Минскій.

ГИБНУЩАЯ СВЯТЫНЯ.

(Къ бомбардировкѣ Реймсскаго собора германцами).

Старикъ, подъ куполомъ твоей священной сѣни,
Предъ славной памятью твоихъ далекихъ дней,—
Мечталъ я пламенно склониться на колѣни
Въ тиши молитвеннай соборныхъ галлерей...

Мнѣ часто грезилось: органы напѣвы,
Огни лампадные, твой золотой алтарь,
Черты Спасителя, и лицъ Пречистой Дѣвы,
И сонмы ангеловъ, и пеалмонѣвецъ-царь...

Я ждалъ, надѣялся... Но проходили годы,—
Мечта завѣтная такъ и была мечтой...
А грозы грянули, и вихри непогоды
Со всей ихъ силою вскипѣли надъ тобой!..

Явились полчища, и, въ громѣ канонады,
Со стономъ колоколъ поверженъ съ высоты,
И камни падаютъ, и рушатся аркады,
И гибнуть цѣнности высокой красоты...

И слезы искрятся въ святыхъ очахъ Мадонны,
И Богъ страдающій, распятый на крестѣ,
Скорбитъ, что попраны имъ данные законы.
Что людъ озлобленный томится въ темнотѣ...

• • • • •
А ты все рушишься, спокойно величавый,
Вънчавший царствовать французскихъ королей,
Священный памятникъ, во дни войны кровавой
Отвсюду сдавленный толпою дикарей...

• • • • •
Приди же, Франція, какъ къ сыну дорогому,—
Къ собору древнему—онъ въ ранахъ изнемогъ.
Закрой глаза ему, разбитому, больному,
Прими молитвенно его послѣдний вздохъ.

H. Архангельский.

РАЗРУШЕНИЕ РЕЙМССКАГО СОВОРА.

(Сонетъ).

Когда на башни Реймского собора
Желѣзный падалъ дождь и рушилъ ихъ,
Въ дыму и пламени земного спора
Шелъ споръ извѣчный воинствъ неземныхъ.

Взирали ангелы, полны укора,
На демоновъ, чей богохульный стихъ
Вѣнчалъ хвалой зачинщиковъ раздора,
Виновника безумій міровыхъ.

Вопили камни, низвергаясь, грозно,
И то, что было въ созиданы розно,
Единой грудью ждало: что Творецъ?

И Онъ судилъ спокойно и сурово,
И къ ангеламъ Его слетѣло слово,
Вѣщавшее Германи: конецъ.

Александръ Рославлевъ.

СОВОРЪ БОГОМАТЕРИ.

Не тронь, гордецъ, святыхъ витражей.
Чугунъ на куполъ не мечи,—
Тамъ ангелы—незримой стражей.
Подъ каждой аркой ихъ мечи.
Мадонны храмъ восьмивѣковый
Рукою дерзкоу не тронь,
На алтарѣ, Атилла новый,
Не погашай ея огонь!
Ужель въ твоей душѣ тевтона
Не пробуждаетъ ничего
Ни свѣтлоглазая Мадонна,
Ни древній камень, ни Гюго?
Ужель къ созданьямъ вѣчныхъ духа,
Къ тому, что вѣтъ красотой,
Твое скучное сердце глухо
Подъ гогенцоллериской броне?

A. Липецкій.

РЕЙМССКИЙ ЗВОНАРЬ¹⁾.

При реймскомъ соборѣ я — старый звонарь.
Всю жизнь прозвонилъ я, —бимъ-бомъ!
Ребенкомъ сюда поднимался я встарь, —
Соборъ, это — храмъ мой и домъ.

Широко глаза мои смогрять, — бимъ-бомъ!
Но тьма въ нихъ и въ солнечный день.
Зато я здѣсь съ каждой плитою знакомъ
И каждую знаю ступень.

Привычная сразу находитъ рука
Засовы желѣзныхъ дверей.
Надъ мѣдью ревущей работа легка, —
Нацупай веревку и бей!

Такъ, въ небо съ земли высоко взнесены,
Стоймъ и гудимъ мы, —динь-донъ!
Стѣному — и бискупу, и ницій равны;
И всѣмъ одинаковъ поклонъ.

¹⁾ Во время разгрома Реймса старый звонарь былъ въ колокольне до тѣхъ порт, пока подъ бомбами не рухнула башня вмѣстѣ съ нимъ.

И звонницу, всю на желѣзныхъ связяхъ, —
Удѣль мой и жизни купель, —
Люблю я, какъ келю любить монахъ,
Ребенокъ — свою колыбель.

* * *

Спить старый соборъ, гдѣ клялись короли,
Надъ Реймсомъ мерцаютъ огни,
И въ гулѣ не слышны ни трепетъ земли,
Ни звуки святыхъ лitanій...

И общую колоколь думу гудеть:
„Какъ стари мы оба, — бимъ-бомъ!
„Какъ стари мы оба! Какъ скоро пробьетъ
„Послѣдній ударъ предъ концомъ!..“

...Чтобъ вѣтеръ моихъ не разсыпалъ костей.
Держась за перила, иду.
Никто не приноситъ сльпому вѣстей, —
Но чую надъ Реймсомъ бѣду!..

Ужъ мѣсяцъ, какъ стонетъ пѣвучая мѣдь,
И скрѣпы гудятъ въ вышинѣ.
Не хотеть ли колоколь смерть прогремѣть...
Кому же, — себѣ или мнѣ?

* * *

Бимъ-бомъ! Неполать тебѣ, старый мой другъ, —
Я понялъ твой вѣцій языкъ:
— „За Реймсомъ все залито кровью вокругъ,
„И врагъ безпощаденъ и дикъ.

„Во Франции милой пожаръ и разгромъ.
„Вставай же! За сиротъ и вдовъ
„Мы мѣдное бросимъ проклятье, — бимъ-бомъ!
Насильнику въ роды родовъ...“

Я съ вами, и вплоть до доски гробовой
Я — вашъ grenaderъ на посту!..
И въ первый я разъ поднимусь, какъ слѣпой,
Хватая рукой пустоту.

Изъ мѣдныхъ я грудей истогну хораль,
Гремящимъ орудіямъ въ ладъ, —
Я радость святыхъ воскресеній вѣщаю,
Такъ я же забью и въ набатъ.

* * *

Пусть боятся гранаты въ кощунствѣ слѣпомъ
О мраморно-кружевный храмъ, —
Съ рыданiemъ мѣднымъ, сквозь пушечный громъ,
Мы будемъ кричать къ небесамъ:

„Проклятие тѣмъ, къмъ сердца матерей
„Отнынѣ навѣкъ пронзены!
„Проклятье взрастившимъ средь бѣлыхъ лилей
„Кровавые маки войны!..“

Изъ силъ выбиваюсь, я буду гремѣть:
„Собору и Реймсу конецъ!“
И вмѣстѣ со мною о звучную мѣдь
Ударить шрапнели свинецъ.

И колоколъ взвоетъ, какъ раненый левъ,
И башни, стена, задрожатъ.
Въ послѣдний день Реймса, разинувши зѣвъ.
На землю обрушится адъ.

...Я понялъ, я понялъ нѣмой разговоръ,—
Ну, что жь. умирать, такъ умремъ!
Пусть дѣтамъ разскажутъ, какъ старый соборъ
Со старымъ погибъ звонаремъ...

А. Измайлова.

В Р А Г И
(ГЕРМАНИЯ)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ.

Онъ, долго угрожалъ, безумно смѣль,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣль
Вильгельмъ кольцо холднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавыій дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ неправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что обѣщаеть онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часть,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей империи свершитъ поминки.

Федоръ Сологубъ.

ТЕВТОНУ.

Есть грозный судъ: онъ ждетъ...

М. Ю. Лермонтовъ.

Померкла слава Герострата.—
Ты превзошелъ ее, тевтонъ!
Кровавымъ заревомъ заката
Мохнатый шагъ твой освѣщенъ.
Бряцая саблей, шумнымъ крикомъ
Ты мнишь вселить повсюду страхъ...
Ты вышелъ въ опьянины дикомъ,
Какъ волкъ, скитавшійся въ лѣахъ.
Твое дыханье вѣять смрадомъ.
Твой путь по трупамъ — черный путь.
Ну, что жъ, ликуй въ союзѣ съ адомъ
И сии, коль можешь ты уснуть!
Есть грозный судъ... Кто мечъ неправый
Подниметъ — гибнетъ отъ меча...
И ты пойдешь съ позорной славой
На судъ, свой жалкій мечъ влача.
Руины Реймсскаго собора...
Лантерненъ... другъ наукъ Лувенъ...

Тевтонъ, какого жъ приговора
Ты ждешь съ развалинъ этихъ стѣнь?..
Съ клеймомъ отверженца, съ нѣмою
Печатью смерти на челѣ
Пройдешь ты мертвою тропою
По обездоленной землѣ.
Пусть каждый шагъ, тобой пройденный,
Тебѣ несетъ все тотъ же стонъ:
„Ступай отъ насъ, во тьмѣ рожденный
И тьмою вскормленный тевтонъ!“

В. Умановъ-Капуновскій.

ВИДЬНИЕ КАЙЗЕРА.

Ему не спится. Во мракѣ ночи
Онъ ждеть забвенья отъ тревогъ.
Но сна послать ему не想要
„Германскій добрый старый Богъ“.
Не спить безумецъ сухорукій.
Онъ къ ложу жаркому приникъ,
Онъ слышитъ битвы дальней звуки.
Онъ слышитъ чай-то страшный крикъ.
Тотъ стонъ идетъ на цѣломъ свѣтѣ,
Изъ разныхъ странъ, со всѣхъ морей:
Кричать обманутыя дѣти
У овдовѣвшихъ матерей.
Шлють императору проклятья
Невѣсты, матери, отцы.
Сѣпившись въ смертныя объятья,
Кричать солдаты—мертвецы.
Надъ пепломъ прусского позора
Въ краю, гдѣ тѣшился тевтонъ,
Съ развалинъ Реймсскаго собора
Гудить зловѣщій перезвонъ.

А черезъ кровь и лязгъ желѣза,
Сквозь трескъ германского костра
Звучить все ближе марсельеза,
Грохочетъ русское ура.
Рычить голодный людъ рабочий.
Встаетъ обманутый Берлинъ.

· · · · ·
Онъ не уснетъ до поздней ночи,
Кровавый прусскій властелинъ.

Сергій Копиткинъ.

* * *

Подъ гнетомъ проклятій, при громахъ войны
Не вѣдаетъ кайзеръ покоя!
Преслѣдуютъ душу тревожные сны
Въ тиши и средь грохота боя...

Отъ запада призракъ грозящій встаетъ —
Съ нимъ слава побѣдъ и свободы...
Французскій орелъ горделиво впередъ
Летить, какъ въ минувшіе годы!

Вождя-императора грозная тѣнь
Среди ихъ побѣднаго стана...
И кайзера меркнеть ликующій день.
И никнуть знамена Седана...

Свои легіоны царица морей
Метнула изъ сѣрыхъ тумановъ...
Фаланги могучихъ летятъ кораблей
На гибель всемирныхъ тирановъ...

13*

Надъ Нѣманомъ русскій орель прокричалъ,
Имъ путь преграждая съ востока...
Другой здѣсь, сильнѣйший, когда-то стоялъ --
И палъ по велѣнию рока.

И ужасъ, и гибель несутся во слѣдъ
Кровавымъ твоимъ легионамъ...
Прикована слава великихъ побѣдъ
Къ священнымъ славянскимъ знаменамъ.

И съ ужасомъ жалкимъ на тускломъ лицѣ
Ты склонишь покорно знамена.
И ждетъ тебя въ огненномъ страшномъ кольцѣ
Презрѣнная смерть скорпиона.

Ф. Е. Заринъ-Несвицкий.

О ЧЕМЪ ЦѢЛА ФЛЕЙТА.

Германцы на улицахъ разгромленного Антверпена устраиваютъ военные концерты.

(Изъ газеты).

Играйте маршъ! Но самый бурный,
 Такой, чтобы топотъ коней погъ,
Съ его прелюдіей бравурной
 Нигдѣ соперничать не могъ!
Играйте маршъ! Но полный гнѣва,
 Такой, чтобы слышать не могли.
Какъ стонеть женщина иль дѣва
 Надъ тѣломъ, брошеннымъ въ пыли!
Играйте маршъ! Но маршъ побѣдный,
 Чтобъ заглушить со всѣхъ сторонъ
Призывъ рокочущій и мѣдный.
 Напѣвы жуткихъ похоронъ!..
Чтобъ днкай хохотъ сумасшедшихъ
 И тѣхъ, кто вынужденъ страдать,
Вѣкамъ грядущимъ о прошедшихъ
 Не могъ свой ужасъ передать!
И грянуль маршъ!.. Гремѣли трубы,
 Билъ барабанъ, ревѣль гобой!

И въ кровь окрашенныя губы
Смѣялись громко надъ судьбой!
Играйте марши! Всю моць излейте!
Отваги—въ робкія сердца!
Но, чу!.. Вы слышите?.. На флейтѣ
Рыдаетъ кто-то безъ конца...
Флейтисты! Безумецъ!.. Флейта стонеть,
Рыдаетъ флейта среди трубъ!
Твоя мелодія не тронетъ
Того, кто дикъ, того, кто грубъ!
А ты заплатишь головою
За то, что въ этотъ страшный часъ
Огонь, твоей душой живою
Всегда владѣвши, не погасъ!
Но флейта въ звукахъ изливалася
И скорбь, и жалость, и привѣтъ,
И на вопросъ души давала
Свой сострадающій отвѣтъ:
О всѣхъ, кто плачетъ въ эти ночи.
О всѣхъ, кто страждетъ въ эти дни.
О нѣжной дѣвушкѣ, чьи очи,
Смѣяясь, позорили они!..
О томъ, что сладкаго возмездья
Наступятъ скоро времена,
О томъ, что кроткія созвѣздья
Увидитъ бѣдная страна!
...И, какъ ни спилилисъ липавры
Разбить мелодію тоски.—
Сама судьба вилетала въ лавры
Печальныхъ лилій лепестки!..

Донъ-Аминадо.

* * *

Вы можете разрушить башни
И осквернить святой соборь,
Вы можете сналивъ вѣснини
И заповѣдный, старый борь.

Въ дыму дворцовъ и библіотекъ
Спокойно и легко дышать,
Метнувъ въ Мадонну дерзкій дротикъ,
Не вскрикнуть, не затренстать.

Позоръ воителя Омара
Предъ вашимъ нынѣшнимъ—ничто.
Средь стона жертвъ, въ огнѣ пожара—
Одно безумье разлито.

Испепеляйте, грабьте, жгите!
Презрѣніе вамъ огњъ,—не страхъ.
Съ небесъ невидимыя нити
Возстановляютъ падшій прахъ.

И мраку косности тлетворной
Не затемнить на зло вѣкамъ
Свободный и нерукотворный
Сердцами строящіяся храмъ!

M. Кузминъ.

ЗАБЫТЫЙ.

Нѣмецкія сестры милосердія
дебиваютъ раненыхъ на поляхъ
битвы.

(«Martin»).

Луна чернитъ
Ночную тьнь
И серебрить
Лѣсную сѣнь.
Луна шевелитъ,
Груды тучъ
И стеблемъ стелетъ,
Сонный лучъ.
Не шелохнетъ
Рѣчная зыбъ.
Свой стелетъ летъ,
Надъ нею винъ.
По горамъ и по равнинамъ
Видишь груды тѣль простертыхъ?
Видишь павшихъ въ гнѣвѣ львиномъ
Раненыхъ и мертвыхъ?
Бѣлы уста,
Темны глаза,
Но въ нихъ чиста
Горитъ слеза.
Взоръ, полный муки.
Глядится въ ночь.

И молять руки
Луну помочь!
По--въ облакахъ
Лучи луны.
Мольба и страхъ
Имъ не видны!
И пѣть помоги,
И въ забыти...
Вдаль но дорогѣ
Ушли свои.

Чу, я слышу шелестъ острый,
Шелестъ ряски, шелестъ звонкій
Вонъ идутъ на помощь сестры,
Добрья тевтонки.

Увидя ихъ,
Умолкъ сосѣдъ,
И съ нимъ затихъ
Немолчный бредъ.
Другой отъ счастья
Кричитъ навзрыдъ.
О, рай участья
Для всѣхъ открытъ!
Все ближе шагъ,
Но страшно мнѣ.
Нѣтъ, вашихъ благъ
Не надо мнѣ!

Я знаю, что имъ кровь отерло
Моимъ соратникамъ окресть!
Я не хочу кинжала въ горло,
Чтобы краснымъ стать вашиъ черный крестъ!

Потемкинъ.

И видѣлъ я: въ плѣну, въ тоекѣ,
Въ тюрьмѣ враждебной изнывая,
Тамъ въ каждомъ камениомъ мѣшкѣ
Заключена душа родная.

И часовой—сталъ человѣкъ.
Мнѣ стало стыдно и неловко;
И ночь текла, и падалъ снѣгъ—
И бросилъ я свою винтовку.

Да, въ караулѣ были мы—
Когда передъ тюрьмою спящей
Мою винтовку у тюрьмы,
Одну—нашель мой разводящій.

Tankredъ.

ВЪ МОЛИТВЪ.

«Императоръ Вильгельмъ большую часть своихъ досуговъ проводить въ молитвѣ».

Упорно и жарко молитва звучала:
„Побѣду пошли“... „Отче напѣ“...
Но мѣдная каска молиться мѣшала,
И путался длинный палашъ.

„Побѣду пошли намъ“... „Пройду ураганомъ“...
„О, Господи Боже, внемли“...
И тщетно онъ тычетъ о землю султаномъ,
Никакъ не достать до земли.

И звякаютъ шпоры, желѣзныя шпоры.
Совсѣмъ не молитвенный звонъ,—
Какъ будто бы въ Калишъ, свирѣпою сторою,
Нѣмецкій идетъ эскадронъ.

„Пошли намъ“... И снова онъ сталъ на колѣни.
Увы, — передъ Богомъ любви
Стоять впереди его блѣднаго тѣни:
Все люди... все люди... въ крови.

Вонъ женщины, дѣти. И скорбны ихъ лики,
И, — падаетъ сердце въ груди, —
Звучитъ ихъ молитва: „Спаситель Великій,
Спаситель Великій!.. Суди!..“

Танкредъ.

ЮМОРЪ И САТИРА

ПОДЪ ПОЛУМЬСЯЦЕМЪ БОСФОРА.

Въ хаосѣ общаго раздора
Ища спасительной звѣзды,
Подъ полумѣсяцемъ Босфора
Встаютъ лѣнивыя орды.

Прогресса золотыя узы
Отвѣдалъ воинъ-янычаръ,
Надѣвъ германскія рейтузы
Взамѣнъ турецкихъ шароваръ.

Когда-то жизнь текла безъ риска
Тамъ... въ царствѣ нѣги и тиши,
И танцевала одалиска
Въ гаремѣ сытаго папи.

А нынѣ, сынъ иного свѣта,
Сидитъ онъ, съ думой на челѣ...
Во рту — кальянъ, въ рукахъ — газета,
Душистый кофе на столѣ.

Въ раздумыи хмуромъ повторяя:
„Французъ... бельгиецъ... бритть и россъ...“—
Онъ все рѣшалъ, не разрѣшая,
Свой политической вопросъ.

Вдругъ молвилъ: „Перестрою землю...
„Урокъ нѣмецкій повторю...
„Исламъ я даже овильгельмлю,
„Но четверть міра покорю!“

A. Мейснеръ.

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Притихъ весь Дворъ... Самъ кайзеръ хмурый
Ходилъ по комнатамъ понурый,
Глѣбъ не сходилъ съ его лица...
— Что жъ о побѣдахъ нѣтъ гонца!

Но вдругъ возникшій было ропотъ
Прервалъ поспѣшный, громкій топотъ,
Сверкнулъ на солнцѣ аксельбанты.
И появился адъютантъ.

— Побѣды есть?..—Онѣ громадны...
Съ врагомъ мы были безпощадны!
Строивыхъ уложили въ гробъ:
Разстрѣляны мальчишки, попъ

Да нѣсколько больныхъ туристовъ.—
Въ солдатахъ нашихъ ныть неистовъ!
— А плѣнныхъ много есть?...— О, да!
Ихъ масса—цѣлыя стада,

Притомъ отборнѣйшаго сорта,
Мы брали съ каждого курорта:
Купцы, князья, профессора,
И съ ними вся ихъ дѣтвора...

Вели атаку всюду быстро,
Забрали даже и министра!
— Трофеи есть?..—Забралъ дозоръ
Одинъ у доктора моторъ!..

И, потрясая мощной шпагой,
Съ веселой доблестной отвагой
Въ честь войскъ воскликнуль кайзеръ: „Hoch!“
А эхо повторило: охъ...
Mистикъ.

СЕРЕНАДА.

Въ утѣшеніе дружинѣ,
Плотью бодръ и духомъ смѣль,
Сerenаду герцогинѣ
Люксембургской кайзеръ пѣлъ:
„Герцогини! Вы прекрасны,
Какъ цвѣты весеннихъ дней,
Но зачѣмъ же такъ опасны
Вы для армii моей?
Но зачѣмъ со мной союза
Не хотѣли заключить
И коварнаго француза
Не пошли со мною бить?
И путка ль, вы своимъ моторомъ,
Дерзко ставши на пути
Предъ лихимъ моимъ напоромъ,
Намъ мѣшали къ вамъ войти!
Да и ваши волонтеры
(Цѣлыхъ двѣсти пятьдесятъ!!!)
Намъ хлопотъ надѣлать горы
Въ злобѣ дерзостной грозятъ!..

За такія преступленья,
Цѣлость войскъ моихъ храня,
Васъ я ввергнуть въ заточенье
Долженъ съ нынѣшняго дня!..
Да-съ! Довольно! Нагулялись,
Марги же въ замокъ подъ замокъ!..
Deutschland, Deutschland über Alles,—
Бойся, Западъ и Востокъ!“

П. Г.

УЧЕННАЯ АРМІЯ.

Нѣмецкіе университеты продолжаютъ подносить генераламъ ученныя степени.

(Изъ газеты).

Надъ нѣмецкою арміей
Разразился недугъ:
Стало тѣсно въ казармѣ ей
Отъ ученыхъ заслугъ.
Всѣ нѣмецкіе воины
Получили дипломъ
И наградъ удостоены
Факультетскимъ судомъ.
За дѣла молодецкія
Весь ученый конclave
Далъ, права факультетскія
Генералу Пифъ-Пафъ.
Кандидатъ богословія
Сталъ майоръ фонъ-деръ-Битъ
И, теряя здоровье,
Катехизисъ долбитъ.
Лейтенанту фонъ-Фрессеру
За бельгійскій погромъ

Поднесли, какъ профессору,
Философскій дипломъ.
Трехъ сестеръ милосердія,
Добивавшихъ враговъ,
Возвели за усердіе
Въ санъ профессорскихъ вдовъ.
Сталъ соперникомъ Бебеля
Барабанщикъ Густавъ.
А четыре фельдфебеля
Кандидатами правъ.
Даже сиваго мерина
Лейтенанта фонъ-Бломъ
Наградилиувѣренно
Факультетскимъ значкомъ;
А любимаго пуделя
Генерала фонъ-Шпруделя,
Много знавшаго штукъ,
Гордо назвали „Гекторомъ“
И назначили лекторомъ
Соціальнихъ наукъ...

Wega.

БАСЕНКА.

На полѣ битвы трупы обирая,
Австрійскій мародеръ
Столкнулся съ мародеромъ прусскимъ
И, наклонясь надо мертвымъ русскимъ,
Сказалъ товарищу: „Работа здѣсь большая,
Но я на то и воръ,
Чтобы обстричь до нитки быстро, ловко.
На все, мой другъ, нужна сноровка!..“
„Все это такъ, —
Въ отвѣтъ ему пруссакъ. —
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ старшимъ кайзера сыномъ.
Еще бѣ ты больше навострился,
Когда бѣ у нашего кронпринца поучился“...

M. Стремилъ.

НЕО-РУССКИЕ КЛАССИКИ.

Брожу ль по улицамъ Стамбула,
Иду ли въ Порту на совѣтъ,
Считаю ль старыхъ пушекъ дула,
Моей душѣ покоя нѣть.

Я говорю: пройдуть недѣли,—
Л, можетъ, меныше, я боюсь! —
Свою утратимъ въ этомъ дѣлѣ
Страну мы ронг le roi de Prusse.

Гляжу ль на башню Ай-Софии,
И мыслю: не засѣсть ли въ бестѣ?
Но нѣть! придутъ войска Россіи,
И засіяеть снова крестъ.

Сынка ль наследнаго ласкаю,
Уже я думаю: малышъ!
Ну, что тебѣ я завѣщаю?
Рахатъ-лукумъ или кишмишъ?

Давно ужъ каждую годину
Я битымъ кѣмъ-нибудь бывалъ.
Теперь, покорный лишь Берлину,
Судьбы я жду девятый валъ.

Угодно гдѣ миѣ дать судьбинѣ
Престоль? въ Багдадѣ? въ Скутари?
Иль буду въ Меккѣ и Мединѣ
Чинить зеленыя драпри?

И хоть наслѣднику Османа
Равно вездѣ, гдѣ спать и лгать,
Я предпочель бы безъ обмана
Скорѣй судьбу свою узнать.

Но пусть въ день радостный Байрама
Не будетъ Сандерсъ вновь со мной,
И сумасшедший изъ Потсдама
Вновь не нарушить мой покой!..

B. Барятинский.

БАСНИ КРЫЛОВА.

(Для дѣтей старшаго возраста).

I.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

За картой сидя Ильина,
Замыслилъ міръ поправить Тришка.
— „Вотъ что-то тутъ мала страна,
А тутъ какъ будто есть и лиска!
Здѣсь краскѣ голубой лежать какъ разъ чередь,
А здѣсь должно быть бѣло“...
Портняжны ножницы тутъ Тришка нашъ береть
И, руки засучивъ,— за дѣло!
— „Возьму-ка здѣсь расширю я Эльзаст,
Сюда отъ Бельгіи прирѣжу котловину“...
Хватъ ножницами — р-разъ!
Анъ, отъ Галиции отрѣзалъ половину!
Тутъ Тришка охать и вздыхать,—
Убавить тутъ, прирѣжть сбоку,
Сувалки съ Калишемъ готовъ къ дырѣ пригнать,—
Да нѣтъ ужъ никакого проку,
И карту бросили въ растопки у печи...

Ой, Тринка, молвлю безъ проний:
Умѣло съ картой хлопочи,
А то, смотри, липитъся и колоній!..

II.

НАПРАСЛИНА.

Гранату въ сорокъ сантиметровъ
Усачъ-майоръ,
Пустивъ межъ облаковъ и вѣтровъ,
Влѣпилъ во мраморный соборъ.
Хрустя, посыпались осколки благородны.
Главою въ кепи покачавъ,
Его сосѣдъ, съ двуглазкой модной,
Майора укорильтъ:— „Что за жестокій нравъ!
Коллега, ты не правъ!“...
Кусаетъ усъ майоръ, горятъ съ конфузомъ ушки,
Майоръ и самъ не радъ:
— „Понуталъ чортъ, камрадъ!“...
Вдругъ, слышатъ, бѣсъ съ лѣсной опушки:
— „Не стыдно ли, — кричитъ, — всегда клепать на насъ!
Я самъ лишь у тебя учился сей же часть
И, право, вижу въ первый разъ,
Какъ алтари громятъ изъ пушки“...—

A. Измайлова.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Бѣлѣетъ крейсеръ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ.
Куда онъ держитъ путь далекій
И кто скрывается на немъ?
За нимъ британскій истребитель
Напрасно рвется и спѣшитъ:
Быстрый таинственный воитель
Къ брегамъ спасительнымъ летитъ.
Надъ нимъ мелькастъ флагъ нѣмецкій,
И гербъ Германии на немъ;
Свой путь онъ править въ портъ турецкии,
Гонимый вражескимъ огнемъ.
Вокругъ шрапнель реветь и свищетъ,
Команда въ ужасѣ дрожитъ.
Увы! спасенія крейсеръ пищетъ
И отъ сраженія бѣжитъ.
Его манитъ завѣтныи краемъ
Вдали нейтральныхъ водъ просторъ,
И представляетъ мирнымъ раемъ
Онъ онѣмеченный Босфоръ:
Здѣсь, въ этомъ морѣ только бури
И гулъ орудій боевой,
А тамъ, въ Босфорѣ, блескъ лазури
И обеспеченный покой.

С. Толстой.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА.

«Австрійские полководцы—Мориц фонъ-Лаффенбергъ и Викторъ Данель награждены большими крестами ордена Леопольда съ мечами.

ЛУФФЕНБЕРГЪ—ДАНИЛЬ.

Мой славный Викторъ! Честь и слава
Тебѣ, вождю побѣдныхъ силъ!
Свой крестъ за бѣгъ отъ Ярослава
Ты по заслугамъ получилъ.
Я изумленъ: какъ ноги!
Какъ разумъ твой величъ и зрѣль!
Ты все препятствія дороги
Душою львиною презрѣль.
А эти русскіе медвѣди
Остались съ носомъ позади.
Гряди, мой другъ! Гряди къ побѣдѣ!
Во славу Австріи гряди!
И знаешь новость?—Междуд нами—
Блеснетъ иль нѣтъ россійскій флагъ
На дніахъ надѣть вѣнскими стѣнами—
Все же намъ дадутъ---и такъ, и такъ,
Опять съ бичами—тыфу! — съ мечами!
Прощай! На Краковъ тороплюсь!
(Сидѣть противный за плечами!)
Смѣлѣ! Hoch! Впередъ! Не трусь!

ДАНКЛЬ—АУФФЕНБЕРГУ.

Мой милый Морицъ! Ты достоинъ
Креста славиѣй, чѣмъ Леопольдъ.
Ты нашей рати первый воинъ,
Побѣдъ и радости герольдъ.
Ты на исторіи скрижали
Попалъ. Твой бѣгъ быстрѣй мечты!
Куда бѣ и какъ мы ни бѣжали,
Всегда у старта первымъ ты!
Пусть косолапый русскій злится,
Что прошмыгнулъ ты черезъ Львовъ!
Да! Коль война еще продлится,
Не знаю — хватитъ ли крестовъ?
Поляки надки до измѣны:
Оставь на Krakовъ скользкій путь
И, съ Божьей помощью, до Вѣны
Ты доберися какъ-нибудь!
Прощай! Пора! Отъ Перемышля
Я полечу быстрѣй орла.
(Медиѣди эти снова вышли!)
Ноch, Морицъ! Наша, братъ, взяла!

Донъ Базиліо.

ПОЖАРЪ.

Шумѣлъ-горѣлъ пожаръ военный,
Вездѣ кипѣлъ кровавый бой:
Народы къ славѣ дерзновенно
Упорной двинулись турьбой.

Навстрѣчу нѣмцу и австрійцу,
Расчетовъ алчныхъ далеки,
Ідуть французы и бельгійцы,
Сплотились русскіе полки.

И англичанинъ вышелъ въ море,
Вдали простеръ японецъ длань,
И, гдѣ на радость, гдѣ на горе,
Враги съ врагомъ сопились на бранї.

За право въ битвѣ исполинской
Всѣ бились, кто и какъ умѣлъ,—
И лишь одинъ король румынскій
„Дипломатически болѣлъ“.

И лишь, косясь не безъ опаски,
На рой родныхъ нѣмецкихъ бандъ.
России кисло дѣлать глазки
Царь „византійскій“ Фердинандъ.

Да двѣ-три мелкія державы.
Въ тревогѣ сморщивши носы,
Не по державному лукавы,
Глядѣли зорко на вѣсы.

Глядѣли на пожаръ военный:
Радали, выпятивши грудь,
Куда бы съ честью несомнѣнной,
Куда имъ съ выгодой примкнуть.

Танкредъ.

* * *

Телеграммы—и картины:
„Взять у нѣмцевъ *призъ*“;
„Полетѣли цеппелины“, —
Но не вверхъ, а внизъ.

Чу, звучитъ въ Нѣмецкомъ морѣ
Канонады гулъ,
Нѣмецъ бьется на просторѣ:
„Крейсеръ затонулъ“.

Съ каждымъ днемъ все войны, войны,
И съ „войной“ — тоска:
„У австрійцевъ беспокойны
Чешскія войска“.

Былъ австріецъ въ сербскомъ краѣ:
Чѣмъ же онъ смущенъ,
Что „оставилъ на Дунай
Лишь одинъ заслонъ“?

Объявивъ войну „во время“,
Былъ Вильгельмъ не глупъ,
Но надулъ родное племя
Плутоватый Круппъ.

Францъ-Іосифъ жаждетъ боя
(Въ девяносто лѣтъ), —
Но невѣдомо, — не скрою, —
Жиевъ онъ, или нѣтъ.

Tancredъ.

DER POROTINO.

— Sag' mir, Papachen, вѣдь не даромъ
Берлинъ казакамъ и боярамъ
Случайно отданъ бытъ.
Вѣдь были жъ схватки боевые?
Ну, какъ-нибудь! Ну, хоть какая?
Не даромъ — Jesus und Maria! —
Смирилъ Вильгельмъ свой пыль?
— „Да! Были люди въ наше время!“
Подъ каской ихъ пытало темя!
Echt пруссаки — не вы!
Илохая имъ досталась доля:
Глаза Европы намозоля,
Какъ зубы — эликенръ Одоля, —
Не узрѣли Невы.
Мы все на что-то наступали, —
На что и сами мы не знали.
Ворчали старики:
— Что жъ! Шагъ впередъ, назадъ два шага:
Wo gehen wir, mein Freund, ich sage?
Гдѣ наша прежняя отвага?
Гдѣ Friedrich's пруссаки?

И вотъ нашли большое поле,
Гдѣ раненыхъ легло не болѣ,
Чѣмъ штучекъ *zehn* враговъ.
У нашихъ—ушки на макушкѣ...
Сестра Амалія — вотъ душка! —
Взяла свой ножъ изъ-подъ подушки
И раненый — готовъ!
Стянулъ животъ я шарфомъ туго
И думалъ: „Угости-ка друга!
Я въ плѣнѣ сейчасъ сдадусь...“
Что тутъ хитрить? Не свой братъ — голодъ, —
Я жить хочу, еще я — молодъ!
Зачѣмъ испытывать мнѣ холодъ?
Не за Вильгельма усь!
Два дня мы были безъ сосисокъ,
Предъ нами рядъ пустѣйшихъ мисокъ,
Kein' Würstchen und kein Bier!
Повсюду слышны рѣчи стали:
Куда-нибудь дойдемъ едва ли,
Всѣ генералы наши „пивали“.
Und so — нашъ командиръ!
Прилегъ вздрогнуть я у лафета
И слышно, что жуеть тамъ гдѣ-то
Майоръ нашъ фонъ-деръ-Какъ.
Но тихъ бытъ нашъ бивакъ открытый:
Что намъ, что офицеръ былъ сытый!
Мы знали — будемъ мы побиты,
Придѣть къ намъ der Kosak!
И только засвѣтилось небо,
Мы, не побѣди даже хлѣба,
Сказали — „O! Wie schön!“

Майоръ фонъ-Какъ рожденъ быль трусомъ —
Онь не повель sogar mit усомъ
И молвиль mit Geschmack, со вкусомъ:
— „Пойдемъ, ребята, въ плѣнъ!
„Тамъ жить намъ всѣмъ удобнѣй будетъ.
„Никто настъ драться не принудить!
„So wurd es, Kinder! Ja!“
За нимъ вослѣдъ мы побѣжали,
Казакамъ ружья пани сдали, —
За то осудить настъ едва ли
Im Himmel der Судья!
Ну жъ быль денекъ! Труднѣй быть круче,
Такую задали намъ взбучу —
Vergessen werd' Ich nie!
Пѣхота въ сѣромъ со штыками,
Verflucht Kosaken mit пикиами
Кричали, повстрѣчавшись съ нами!
— Гони ихъ вѣхъ! Гони!
Вамъ не видать такихъ сражений!
Изнемогали мы отъ лѣни,
Und von dem Hunger auch!
Звучаль булатъ, ираннель шипѣла.
Майоръ фонъ-Какъ въ траппѣ засѣла
Es war sehr schlecht füR unser tѣло.
FüR unser бѣдный Bauch!
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что для слона пчелиный жало,
Нашъ генеральный штабъ!
Земля тряслась, тряслися всѣ мы!
Вамъ не видать такой дилеммы!
Не знали мы, зачѣмъ мы, гдѣ мы...
Гдѣ славянинъ, гдѣ ишавъ.

Вотъ смерклось. Счастливы мы были,
Что подкрѣпить могли мы силы
 Въ любезномъ намъ плѣну.
Онъ sehr gemütlich, garnicht тѣсень,
Намъ дали trinken, дали essen...
Ахъ! русский плѣнъ ist so чудесенъ —
 Мы предалися сну!
Вотъ затрещали барабаны,
И мы пошли всѣ, какъ бараны,
 Mit dem майоръ фонъ-Какъ.
Насъ размѣстили по вагонамъ,
Не глядя, кто — простой, кто съ „фон’омъ“,
Не взявъ ни гроша fur „прогон’ен“...
 Der русский ist дуракъ!
Да, были люди въ наше время!
Подъ каской ихъ пылало темя.
 Echt пруссаки — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Глаза Европъ намозоля,
Какъ зубы эликсиръ Одоля, —
 Не узрѣли Невы!..

В. Баратинский.

ГОРДОСТЬ ГЕРМАНИИ.

Вильгельмъ [канцлеру]:

— Любезный Бетманъ, миѣньемъ свѣта
Мы не должны пренебрегать.
Цѣнна пейтральную печать,
Прошу, не дѣлая секрета,
Миѣ откровенно разсказать,
Чѣмъ занята въ Европѣ пресса?

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Нѣть, въ этомъ мало интереса!
А, впрочемъ, ире майестетъ,
Я доложу вамъ откровенно,
Что вашъ кронпринцъ дивитъ весь свѣтъ
И отличается отмѣнно.

Вильгельмъ [довольны]:

— Да, я ручаюсь головой,
Что нашъ кронпринцъ большой герой,
И пимъ довольны всѣ берлинцы...
Но что же пишутъ о кронпринцѣ?..

Бетманъ-Гольвегъ [смущенно]:

— Увы! — нейтральная печать
На дняхъ рѣшилась написать,
Что, популярнымъ ставь отнынѣ,
Вашъ уважаемый сынокъ
Забрался къ нѣкой герцогинѣ,
Залѣзъ въ подвалъ, взломалъ замокъ
И тамъ похитилъ все, что могъ!

Вильгельмъ [сияя]:

— Мой канцлеръ, вѣстью столь блестящей
Меня порадовали вы!
Онъ Гогенцоллернъ настоящи.
Всѣ наши предки таковы!
Узнавъ объ этомъ, я спокойно
Могу отнынѣ умереть,
И, какъ наслѣдникъ мой достойный,
Онъ мой престижъ поддержитъ впредь.

Бетманъ-Гольвегъ [съ сомнѣнемъ]:

— Конечно, это безподобно
И лестно, пре майестетъ.
Но все же какъ-то неудобно
И удивляетъ цѣлый свѣтъ,
Что вы, какъ древній римскій кесарь,
Ведете въ бой свои полки,
А вашъ сынокъ, какъ жалкій слесарь,
Ломаетъ въ погребѣ замки,
Пуская въ дѣйствие отмычки...

Невольно всякий скажетъ тутъ,
Что столь плебейскія привычки
Сынку Вильгельма не идутъ.

Вильгельмъ [строго]:

— Любезный канцлеръ, вамъ, конечно,
Его души не оцѣнить;
Но я доволень имъ сердечно
И одобряю эту прыть:
Сегодня, стыдъ отбросивъ смѣло,
Замки ломаетъ онъ умѣло,
А завтра, дѣйствуя съ умомъ,
Онъ завоюетъ все кругомъ,
Ограбить полюсъ и экваторъ
Для вящней славы пруссаковъ
И разгромить моихъ враговъ...

Кронпринцъ [входя]:

— Мое почтенье, либеръ фатеръ!
Я вамъ привезъ подарковъ рядъ...

Вильгельмъ [доволенный]:

— Да, всѣ газеты говорятъ,
Что ты лихой экспропріаторъ,
И я, мейнъ либеръ, очень радъ!

Кронпринцъ [хвастливо]:

— Ты оцѣнилъ меня и понялъ.
И я не хвастаясь скажу,
Что въ замкахъ Франціи слимонилъ
Немало рѣдкостныхъ бижу.

Вильгельмъ [растянутый]:

Ты посланъ миъ на утѣшенье!..
Приди въ объятия мои!

[Нѣжно его обнимаетъ].

Бетманъ-Гольвегъ [прослезившись,
въ сторону]:

— Я ошибался, безъ сомнѣнья.
Нельзя не чувствовать почтенья
Передъ подобными людьми!..

Xағиҙә.

Г У С И.

Бельгийцевъ четверо иль пять
Вели десятокъ нѣмцевъ плѣнныхъ.
И, правду истину сказать,
Вели безъ почестей отмѣнныхъ.
Солдатъ ужъ я и не виню,
Но иѣмцы иначе обѣ этомъ толковали
И на охрану такъ промежъ собой пеняли:
— „Вотъ варвары! Любому пию
Не надобно внушать, что быть должны въ почетѣ,
Кто миру дали Шиллера и Гете!..“
— Ты Лессинга забыть! — прибавилъ канониръ.
— „А Фихте, Шеллингъ, Кантъ и Гегель?..“
— „А Шопенгауеръ не удивилъ ли міръ?..“
— „А Гердеръ, Заксъ, Новалисъ, Шлегель?..“
Услыша трескъ именъ, канониръ
Невѣрнымъ языккомъ, но вѣрно имъ сказалъ:
— „Отцы и сыновья — какая перемѣна!
Да, ваши предки — соль земли,
Но рѣчь о нихъ вы здѣсь некстати завели, —
Вѣдь мы въ окрестностяхъ... Лувена,
И держимъ путь на... Пантильи!..“

А. Измайлова.

КОНЕЦ ГЕРМАНИИ.

Прессъ настольный мой, чернильница,
Карандашъ, сувъча и мыльница,
Чемоданъ, портфель, — все съ знаками:
«Это сделано пруссаками»,
«Это сделано въ Германии»...
Всѣ полны германоманіи,
Брали веши съ этикеткою,
Изготовленной сосѣдкою:
Котелки, брюкодержатели,
Самокаты и учебники...
Моды пошли подражатели,
Дикой Пруссии нахлѣбники,
Брали мы по завѣщанію
Перлы прусского творенія
И прославили Германію,
Какъ промышленного генія,
Какъ страну цивилизаціи,
Какъ страну культуръ и знанія.
И кричали: „Вотъ такъ нація!
О, Германія! Германія!“

Преклоняясь предъ завѣтами
Канта, Момзена и Гегеля,
Предъ германскими поэтами
И предъ бонной изъ-за Прегеля,
Почитали мы святынею
Всю труху и пошлость Михелей
И вели Россію въ линию
По желанию Клейнмихелей.
Съ наслажденьемъ бредни дикія
Мы жевали ницшеанскія
И считали за великія
Всѣ ідеи пангерманскія.
Но пришла пора, съ подкладкою
Мы освоились германскою,
Какъ напалъ на насъ украдкою
Кайзеръ съ бандой хулиганской,
И, сверкнувъ стальной культурою,
Стать онъ жечь цивилизацию
И своею диктатурою
Задавить бельгійцевъ націю:
Палть, Лувенъ, Брюссель съ Антверпеномъ...
Край бельгійцевъ смять разбойникомъ,
Но, съ терпѣньемъ неисчерпаемымъ,
Этотъ край не стать покойникомъ.
Въ часъ рыданій, въ часъ мученія,
Въ дни спротства безысходнаго
Два столкнулось нынче генія
Въ царствѣ подвига народнаго:
Геній крови, разрушенія,—
Геній дьявола Германии.—
Налетѣть стрѣлой на генія—
Обновленья мірозданія.

Съ высоты небесь снарядами
Цеппелинъ предалъ все пламени,
Не разрушивъ канонадами
Геронческаго знамени.
Такъ когда-то гунны дикіе
Стадной тучей въ міръ нахлынули
И, сгубивъ края великие,
Были прокляты — и сгинули.
Пусть орда явится прусская,
Лиходѣйствуетъ Германія!
Велика равнина русская,
И растутъ ея дерзанія.
Взвѣсить рокъ всеніскупающій
Эти жертвы всѣ громадныя,
Этотъ міръ, въ огнѣ страдающій,
Эти слезы безотрадныя, —
Безпощаднымъ осужденiemъ
Заклеймитъ онъ силу грубую
И анаему ихъ геніямъ
Возгласитъ съ небесь сугубую.

Омикронъ.

ЧТО ДУМАЕТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ?

Завязли мои батальоны,
Бездѣствуетъ загнанный флотъ...
„Отдай мнѣ мои легіоны,
„О, Варъ, Варъ!“ вопитъ весь народъ.

Полмѣсяца длится осада...
Фонъ-Бюловъ въ сражены убить...
Британскаго флота блокада
Голодною смертью грозитъ.

И все жь отрѣшился мнѣ трудно
Отъ прежнихъ хвастливыхъ химеръ...
А совѣсть злорадствуетъ нудно:
„Mein Liebchen, was willst du noch mehr?“

B. Mazуркевичъ.

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасъ храбрые французы
Бьютъ иѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И, точно облитые варомъ,
Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
Всегда выводятъ *пруссаковъ*.

B. Mazуркевичъ.

НИ БОГУ СВѢЧКА, НИ ЧОРТУ—КОЧЕРГА.

I.

«Кто не является вѣрующимъ христианиномъ, тотъ не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ и прусскимъ солдатомъ.»

II.

«И если пробыть часъ, когда мнѣ придется приказать вамъ стрѣлять въ своихъ родственниковъ, братьевъ, даже въ отца и мать, тогда не забывайте о своей присягѣ» (29 ноября 1891 г.). (Отрывки изъ рѣчей Вильгельма).

Какъ трудно быть солдатомъ прусскимъ...
Ходить весь день, маршировать,
Быть стянутымъ мундиромъ узкимъ
И „научаться побѣждать“...

Топорщить при походкѣ плечи,
Переносить морозъ и зной
И каждый вечеръ слушать рѣчи
Изъ устъ Вильгельма!.. Боже мой!..

Возможно все для человѣка,
Но — рѣчи, рѣчи... О, мой Богъ!

Ми^б кажется, что самъ Сенека
Отъ нихъ съ ума сойти бы могъ!..

Къ какой невылившейся школѣ
Примкнулъ нѣмецкій фантазеръ?..
Онъ каждый вечеръ въ новой роли,
Точь-въ-точъ — ремесленникъ-актеръ...

Вчера громилъ развратъ и пьянство,
Сегодня бьетъ социализмъ;
Вчера онъ славилъ христіанство,
Сегодня же — милитаризмъ...

Бываютъ и на солнцѣ пятна
(Я самъ ихъ видѣлъ „сквозь очки“),
Но, право, что-то непонятны
Такие рѣзкіе скачки!..

Вчера лишь онъ твердилъ: „Солдаты,
Вашъ долгъ безропотно стрѣлять,
Хотя бы вмѣсто супостата
Предъ вами сталъ отецъ иль мать“...

Сегодня жъ онъ твердитъ слѣйно
(Скажите, гдѣ же тутъ резонъ?):
„Ходите въ храмъ благоговѣйно
И чтите Божескій законъ!..“

Размыслилъ я надъ этимъ строго.
И стало какъ-то страшно ми^б: —
Возможно ли молиться Богу
И слать улыбки — Сатанѣ?...

Яго.

ГЕРЦОГИНЯ ЛЮКСЕМБУРГА.

Согласно сообщениямъ «Exchange Company» герцогиня Люксембургская выселена въ Германию и заточена въ замокъ близъ Нюренберга.

Герцогиня Люксембурга
Воспротивилась ярму—
Герцогиню Люксембурга
Нѣмцы бросили въ тюрьму.
Нѣтъ предѣловъ злобной мести
Грубой силы—правъ тевтонъ.
Такъ! Но... гдѣ же голось чести?
Гдѣ же рыцарства законъ?!.
Голосъ чести?.. Экимъ вадоромъ,
Ты насть думать удивить!—
Развѣ можно мародерамъ,
О безчестны говорить?
Иль не видиши: илемть и латы
Тѣло смерда облекли,
И не рыцари —пираты
Счеты съ женициной свели!

Василий Кильевъ.

НА ЗИГЕСЬ-АЛЛЕ.

Говорять, передъ войною
На берлинской Зигесь-алле
Всѣ пѣмецкѣе курфюрсты
Ровно въ полночь оживали,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И Оттоны въ блескѣ лунномъ
Собирались молчаливо
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ,
И толпою обсуждали,
Грозны, веселы и рѣяны,
Кровожаднаго Вильгельма
Сокрушительные планы,
Громогласно прославляли
Доблѣсть прусскаго мундира
И въ добычу обѣщали
Побѣдителю полміра,
Толковали о побѣдахъ
Бравыхъ прусскихъ генераловъ
И потомъ влѣзали чинно
На верхушки пьедесталовъ,

И на мраморныхъ подставкахъ,
Бравымъ щуцманамъ на диво,
Цѣлый день стояли грозно,
Ухмыляясь горделиво...

* * *

Но промчались три недѣли,
И на славной Зигесь-алле
Знаменитые курфюрсты
Стали ржавѣть отъ печали.
Ровно въ полночь съ нѣдѣстахъ
Сходять грустные Оттоны,
Карлы, Фридрихи, Вильгельмы
И пфальцграфы, и бароны
И толпою молчаливой,
Выступая въ блескѣ лунномъ,
Собираются уныло
Передъ Бисмаркомъ чугуннымъ.
И, сердито сдвинувъ брови,
Грозный канцлеръ съ видомъ мрачнымъ
Имъ толкуетъ безнадежно
О Вильгельмѣ Неудачномъ;
Грозный канцлеръ заявляетъ
Съ чувствомъ гнѣва и печали,
Что послѣднему Вильгельму
Не стоять на Зигесь-алле;
И, кивая головами,
Безнадежно и сердито.
Возвращаются курфюрсты
На подставки изъ гранита...

Wega.

16*

ИЗЪ «СЕНСАЦІЙ» МАДАМЪ ДЕ-КУРДЮКОВОЙ.

...Ноinemногу я мирюсь
Съ карактэръ дю пёпль рюссъ.
Поставлять на всѣхъ привыкли
Мы сырые всѣ артикли,—
Рожъ, овесъ, окорока,
Жили тихо санъ фрака.
Все твердили про ля пэ мы
И другой не знали темы:
Жарь къ войнѣ въ себѣ убивъ,
Онъ э трэ миролюбивъ...
Но проснулось ретивое,
Насъ задѣло за живое,—
Съ пѣньемъ, съ флагами зарю
Мы встрѣчали сюръ ля рю...
Полонъ духъ теперъ подъема,
Ждемъ къ себѣ руа Гильома:
А ля герръ комъ а ля герръ,
Жалуй запросто, мейнъ герръ.
Мы тебя честь-честью встрѣтимъ,
Чтобы памятна и дѣтямъ

Встрѣча вышла... Да смотри жъ.
Захвати съ собой *Отрицъ*.
Австріяки тѣ же швабы,
Различилъ ихъ кто едва бы:
Тотъ пль этотъ—*лѣ мемъ шозъ...*
Угостимъ васъ хорошо-съ!
Чѣмъ? Ну, право, *жсе не сэ па...*
Не гляди, *мейнгерръ*, свирѣпо.
Лучше вспомни *ля тираудъ*:
Чѣмъ богатъ кто, тѣмъ и радъ.
А судьбой дано *ришессы намъ*
Въ единенны напиемъ тѣсномъ.
И тебя, *руа Гильомъ*,
Встрѣтимъ вѣй мы комъ энъ омъ!..

Бенедиктъ.

ИЗЪ ТЕТРАДИ ПАРОДІЙ.

(Гейне).

ГРЕНАДЕРЫ.

Въ Баварію два гренадера
Изъ русскаго пѣна брели—
Мотивы войны вспоминали
И вспомнить никакъ не могли.
Пришлось разгромить имъ бельгійцевъ,
Разрушить и Реймскій соборъ;
Метались съ востока на западъ—
Зачѣмъ?—не поймешь до сихъ поръ!
Печальный видя картины,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
„Не радъ я такимъ результатамъ,
„Картинамъ разгрома не радъ“.
„Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ,
„Кому же по сердцу разгромъ?
„Кой чортъ насъ заставилъ Вильгельму
„Во всемъ подчиняться, во всемъ?
„И я жить съ семьею не бѣдно,
„Имѣя привычку къ труду...

„Теперь вотъ просить Христа-ради
„Съ женой п дѣтьми, знать, пойду.
„Исполни завѣтъ мой, коль скоро
„Окончу солдатскіе дни:
„Ступай ты въ Берлинъ и Вильгельма
„Въ глаза за войну прокляни.
„Ты въ подлыхъ обманахъ убийцу
„Предъ всею страной обличи,
„А орденъ за бой подъ Лувеномъ
„Ногами предъ нимъ растопчи.
„И мирно и чутко я буду
„Лежать подъ родною землей.
„Наступить нора—и услышимъ
„Призывъ мы къ побѣдѣ иной:
„Свергается злой Гогенцоллернъ.
„Знамена свободы шумятъ!..
„И выйдеть подъ ихъ разоренный.
„Обманутый нѣмецъ-солдатъ!“

Сэръ Гэй.

ТРИЗНА БОЛЬШИХЪ ПОХОРОНЪ.

(Покушение на Лермонтова).

Въ глубокой тѣнинѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека волны бѣгутъ,
Старинная башня стояла...
А, можетъ быть,—все это врутъ.

Но вотъ, что я знаю навѣрно—
Молва здѣсь сорвать не могла бъ:
Былъ домъ съ репутаціей скверной
И жалобной вывѣской „Штабъ“.

При главной австрійской квартирѣ
Тотъ домъ для чего-то стоялъ:
Въ немъ жилъ—и въ довольствѣ, и въ мирѣ—
Какой-то хромой генералъ.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ золотой огонекъ,
Бросался онъ путнику въ очи,—
И путникъ бѣжалъ наутекъ.

И слышался голос унылый:
— Желаете правду узнать?..
Кого-то желанье прельстило:
— А мнѣ что... Пойду... Наплевать...

Въ солидно обставленномъ залѣ,
Въ парадную форму одѣть,
Сидѣль генералъ, и стояли
Сотрудники вѣнскихъ газетъ.

Всѣ были въ ужасномъ азартѣ,
Кто съ книжкой, кто просто съ листомъ,
И самъ генералъ имъ на картѣ
Показывалъ что-то перстомъ.

— ...Здѣсь встрѣтили мы ихъ съ отвагой...
— Здѣсь русекіе сброшены въ ровъ...
— Здѣсь... Гм...—прикрывая онъ бумагой
То мѣсто, где значился Львовъ.

— Здѣсь русекіе будутъ напрасно
Пугать—не боимся атакъ...
— Здѣсь смертью погибли ужасной
Двѣ сотни... ифуй!—этихъ... сасак...

Во всѣ генеральскія мысли
Впивались газеты взасосъ...
И уши у путника висли.
И бѣгалъ по кожѣ морозъ...

Хотѣль бы онъ выпрыгнуть съ бѣло.
Но знать, что настанетъ чередъ—

Его бездыханное тѣло
Домой часовой унесетъ.

И тихо нокойничекъ ляжетъ,
Какъ пень, у крыльца своего...

И мать престарѣлая скажетъ:
— Навѣрио, заврали его...

Арк. Буховѣ.

АВСТРИЙСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Австрийскій ардгерцогъ отозванъ
изъ армии въ Вѣну.

(Изъ газеты).

Сини, эрцгерцогъ мой прекрасный,
Баюшки-баю...
Проливать тебѣ напрасно
Въ битвахъ кровь свою.
Я тебѣ о швабской каскѣ
Нѣсенку спою,
Ты жъ дремли, закрыши глазки.
Баюшки-баю...

Въ этой каскѣ, бравый съ виду,
Смѣло ишель ты въ бой
И не дать себя въ обиду
Поклялся душой,
Грозно вель ты на Варшаву
Армію свою...
Сини жъ, забывь бытую славу,
Баюшки-баю...

Но тебя разбилъ жестоко
Кровожадный врагъ,
Храбрыхъ швабовъ раньше срока
Напугалъ казакъ.
Ты сѣдельце боевое
Потерялъ въ бою...
Спи, дитя мое родное.
Баюшки-баю...

Прибѣжалъ, доспѣхи сбросивъ,
Ты пѣшкомъ домой,
И почтенный Францъ-Іосифъ
Планъ одобрилъ твой,
Отдалъ нѣмцамъ ты любезно
Армию свою...
Спи, эрцгерцогъ бесполезный,
Баюшки-баю...

Послѣ доблестныхъ сраженій
И неожиданныхъ бѣдъ
Отдохнуть ты можешь въ Вѣнѣ
Отъ своихъ побѣдъ.
Прусскій кайзеръ за сраженья
Будеть отвѣтать,
Ты же, швабовъ утѣшенье,
Можешь крѣпко спать...

Weg.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО¹⁾ (ПѢСНИ И ЧАСТУШКИ).

I. МОБИЛИЗАЦІЯ И СБОРЫ НА ВОЙНУ.

1. Не думалось---пришлося
Съ иѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать.

Нынче годъ пошелъ военный,
Нѣмецъ хочетъ воевать,
Миѣ, молоденъку мальчишкѣ,
Войны не миновать.

Ванька, родный братецъ,
Привыкай ружейщемъ брякать,
Ружьемъ брякать и стрѣлять,
Пойдешь съ иѣмцемъ воевать.

¹⁾ Наравнѣ съ интеллигентціей, съ профессиональными писателями и поэтами, и простой народъ далъ въ своемъ творчествѣ отраженія современной войны съ разныхъ сторонъ ея проявленія. Пока въ нашей литературѣ занесено еще немного изъ этого творчества, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ пужнимъ и это немногое помѣстить здѣсь, дабы читатель могъ судить о чувствахъ и настроеніяхъ простого народа. Приведенные образцы народного творчества записаны на мѣстахъ въ разныхъ районахъ России.

Не думай, тятя мой,
Что я пахарь полевой;
Вѣдь я, молоденький мальчишка,
Солдатикъ боевой.

Охи-ахи, охи-ахи,
На нась напали австріяки.
Куда лѣзешь, бусурманъ,
На нась, русскихъ крестіянъ.

На границѣ, вѣдь, не дома,
Сапоги, шинель готова.
Кашу грешневу варя.
Нѣмцевъ бить лишишь веля.

Не плачь, моя ты женка,
Что я иду на войну,
Нѣмца убьемъ и расколотимъ,
Опять къ тебѣ приду.

Послѣ войны ужъ всѣ попьемъ,
Впередъ на нѣмца мы пойдемъ.
Съ войны придемъ — жениться будемъ,
По пригоженькой возьмемъ.

Буду пить и веселиться, —
Все равно не сдобривать,
Буду нонѣшнюю осень
На отчаянность гулять.

Погуляемъ, сколько знаемъ,
Покутимъ, сколько хотимъ:

Послѣ первыхъ морозцевъ
Мы въ солдаты укатимъ.

У меня, у некрута,
Слезы льются, что рѣка,
Слезы льются и бѣгутъ;
Завтра — въ городъ повезутъ.

Ты играй, играй, гармошка,
Зеленые мѣхи,
Какъ садутъ меня въ солдаты, —
Разорву тебя съ тоски.

Не думалось — пришлося
Съ пѣмцемъ воевать,
Не хотѣлося парнишкѣ
Свою Параньку покидать. —

2. ФАБРИЧНАЯ.

— Засосало сердце больно,
Не беруть насъ на войну.
Невозможно даже вольно
Намъ итти на пѣмчуру...
Съ горя радъ бы удавиться,
Раздавить бы стакачу...

• • • • •
Мнѣ ли слюни распушшать.
Будто нѣть и намъ названья.
Будемъ дѣлу помогать:

День и ночь сверлить гранатки
Нынче намъ всурѣзъ велять.
И России, значитъ, маткѣ —
Что солдатъ ты ить жаркой схваткѣ.

* * * * *

3. ТЮРЕМНАЯ.

— Зоветъ гроза насть боевая,
А мы сидимъ въ тюрьмѣ...
Судьбу неволи проклиная,
Горимъ, какъ вѣтъ, въ своей тоскѣ.

II. ВОИНА.

1. Утромъ рано на разевѣтѣ¹⁾)
Повели насть на атаку,
Чтобъ сть австриецемъ долгоногимъ
Мы скорѣй вступили въ драку.

- Подвезли къ лощинкѣ рядомъ,
Гдѣ стояли батареи,
И пастрого повелѣли.
Чтобъ тихохонъко сидѣли.

¹⁾ Эта песня сложена была въ окопахъ и распѣвалась подъ звуки разрывавшихся шрапнелей. Авторы ея, по видимому, солдатъ Авдѣй Бандура и его товарищъ

Долго, долго мы сидѣли,
И нашло на насъ дремленье.
Вдругъ вой вражеской шрапнели
Разогналь нашъ сонъ въ мгновенье.

Мы съ Бандурой окопались
И залѣзли въ ямку,
Стали слушать, какъ шрапнели
Тянутъ свою лямку.

Трахъ, трахъ, трахъ!—трещать шрапнели,
Трахъ, трахъ трахъ! У насъ въ сердцахъ
Точно шмели загудѣли,
Наводя ужасный страхъ.

Наконецъ, пальба затихла,
Наступилъ миръ, тишина,
Мы съ Бандурой, сидя въ ямкѣ.
Вспоминали времена.

Русскій, бравый командиръ,
Штурмовой надѣль мундиръ,
За врагами—черезъ Санъ—
Мажетъ нѣмца по усамъ.

Нѣмцы храбро отступали,
Не взрываючи мостовъ,
Мы за ними поспѣшали
И вступили въ городъ Львовъ.

Почему тотъ Львовъ нѣмецкій?
Тамъ все русские живутъ.
Нѣмцы тяжко ихъ терзаютъ,
Больно мучаютъ и бьютъ.

ПѢСНЯ¹⁾.

2. Изъ-за лѣса, лѣса копій и мечей
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей...
Эй, говоритъ! —
Ѣдетъ сотня казаковъ да усачей.

Передъ ними есаулъ да молодой
Ведетъ сотню казаковъ да за собой...
Эй, говоритъ! и т. д.

А за ними все сибирские стрѣлки,
Все штыками, какъ щетиной, обросли...
Эй, говоритъ! и т. д.

Какъ въ Варшавѣ отстояли мы мосты,
Весь красавицы бросали намъ цвѣты...
Эй, говоритъ! и т. д.

Подъ Варшавой мы стояли, какъ стѣна, —
Пуля сыпалась, жужжала, какъ пчела...
Эй, говоритъ! и т. д.

Будутъ дѣти, внуки долго поминать.
Какъ Варшаву отстояла наша рать...
Эй, говоритъ! и т. д.

1) Пѣсня эта очень популярна въ сибирскихъ полкахъ. Запѣвало словно бросаетъ первую строчку, а хоръ отзыается разомъ, и ему вдогонку летить короткій речитативъ: «Эй, говоритъ!» и разливанное заключеніе повторяетъ послѣднія слова.

Отъ Варшавы Нѣмца гнали предъ собой,
Что ни лѣсь, что ни деревня, — славный бой!
Эй, говорить! и т. д.

Будутъ нѣмцы помнить долго про стрѣлковъ,
Про сибирскихъ нашихъ чудо-молодцовъ!
Эй, говорить! и т. д.

Какъ дойдемъ мы до Берлина-городка,
Не останется отъ нѣмцевъ и слѣдка...
Эй, говорить! и т. д.

А вернемся мы въ родимые лѣса,
Приведемъ домой Вильгельма за уса!
Эй, говорить! и т. д.

III. ЖЕНСКИЯ ЧАСТУШКИ.

Сдали Шурочку въ солдаты
И угнали на войну,
Не успѣли срисоваться
Съ нимъ на карточку одну.

Въ напечь полѣ восемь сосенъ,
А девятая-то ель;
Посмотрѣла бы на Шурочку —
Пристала ли шинель.

Я любила и люблю
Солдатика военнаго,
Ни за что не измѣню
Свово слова вѣрнаго.

Сдали, сдали дорогого,
Наживать велять другого.
Я не буду наживать,
Буду съ солдатовъ дожидать.

Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного.

Вари, матушка, яишиню,
Въ городъ Галичъ Шуркъ вышлио;
На десяту батарею
Стя яицъ не пожалѣю.

Дни и ночи напролетъ
Дѣвушка горюетъ.
Часть пѣсенки поеть,
По миломъ тоскуетъ.

„Сдали, сдали, въ даль угнали,
Близко самъ не захотѣль,
Свился спзымъ голубочкомъ,
Въ городъ Галичъ полетѣль“.

„Скучаю, миленький, по вамъ.
Какъ сѣра пташка по полямъ;
Какъ жива рыба по водѣ,
Такъ я, міленокъ, по тебѣ“.

Осенъ темна настаетъ,
Въ ронцахъ вѣтеръ дуетъ,
Дѣвка пѣсенки поеть,
По миломъ тоскуетъ:

„Дождикъ, лей, дождикъ, лей
На меня и на людей;
На солдатика мово
Не капни разу одного!“

IV. САТИРА.

1. Нѣмецъ пивомъ облакался,
Съ пьяныхъ глазъ въ войну ввязался,
Думалъ голымъ рукамъ взять,
А пришлось повоевать.

Нѣмцу дома не сидится,
Понаскутилъ ему „бирь“,
Знать желаетъ нѣмецъ биться,
Коль нарушилъ съ нами миръ.
Будеть нѣмецъ долго знать,
Какъ съ Россіей воевать!

Ахъ ты, нѣмецъ-остроусъ,
Я усовъ-то не боюсь,
Меня усомъ не спугаешь,
Я россійскій, а не трусь.

Ужъ какъ наши-то ребята
Не боятся нѣмчуры,
Какъ поймаютъ супостата,
Отчухраютъ за вихры.

2. Вотъ такъ иѣмцы, ой-да ну.
Объявили намъ войну.

Русь, французы, англичане
Иѣмцамъ тѣмъ же отвѣчали.

Австро-венгры и прусакъ.
Какъ попали вы вirosакъ!

Францъ-Іосифъ, старъ и сѣдъ,
Ты надѣлаль много бѣдъ

И пошелъ войной не къ году
На бѣду свому народу.

И на дѣлъ такъ и вышло:
Русские у Перемышля.

А когда возьмемъ Краковъ.
Ты тогда будешьъ каковъ?

Понемногу, въ перемѣну,
Мы взойдемъ къ тебѣ и въ Вѣну.

Бьемъ германцевъ, этихъ хамовъ.
Они стали хуже хановъ.

Имиераторъ ихъ — вампиръ.
Пролилъ крови на весь міръ.

Его иѣмцы — звѣри, хамы.
Разбивають древни храмы.

3. Шли въ Гумбину мы на нѣмца.
Говорили, — нѣмецъ строгъ,
На него пошли въ атаку,
А онъ стоиетъ: „охъ“ да „охъ“!

Австриякъ, не зная броду.
Занять грозно городъ Броды.
И со всѣхъ нѣмецкихъ ногъ
Ломить къ намъ черезъ порогъ.

Тутъ, откуда ни возьмися.
На кобылкахъ казаки.
Шашкой, пикой и винтовкой
Сыплють нѣмцу тумаки.

Запѣвало¹⁾.

4. Похлебали каши съ пцами.
Барабанъ ударилъ сборъ.
Будеть драка съ нѣмчурами,
Будеть съ нѣмцемъ жаркий бой.

Хоръ.

Сколько нечисти-то всякой,
Эфтнхъ самыхъ пруссаковъ.
Словно разныхъ таракановъ.
Комарей али клоповъ.

Запѣвало.

Нѣзетъ нѣмецъ на рожны.
Нельзя шашку класть въ ножны.

¹⁾ Поется съ гармоникой и съ хоромъ.

Австріяки на рожонъ,
Выну шашку изъ ножонъ.

Хоръ.

Здѣсь австріецъ, тамъ пруссакъ,
Мы ихъ этакъ, мы ихъ такъ.
Францъ-Іосифу по шею,
А Вильгельма — по башкъ.

Запѣвало.

Хотѣлъ нѣмецъ пообѣдать,
Шелъ спесиво на Парижъ.
Далъ хранцузъ ему отвѣдать
Изъ свинца и стали „фишь“.
Мы подъ Ломжей угостили, —
Кушаньевъ — хоть выбирай,
Хлѣбосолка мать-Россія,
Ужъ накормить, такъ и знай.

Хоръ.

Вотъ те каша, вотъ — бобы.
Вотъ — горохъ, вотъ — пироги.
Вотъ те сало, а вотъ — смалецъ,
Что жъ ты, ворогъ, пляшешь валецъ?
Мы его все хлопъ да хлопъ,
А єнъ падаетъ въ окопъ.

5.

Закрутивши кверху усь,
Батюшки!
Нѣмецъ двинулъ на французъ,
Матушки!
Сыпетъ на городъ Парижъ,
Батюшки!

Ой, тамъ, нѣмецъ, угориши,
Матушки!
За француза англичанъ,
Батюшки!
Поймалъ нѣмца на арканъ,
Матушки!
Нѣмецъ въ Гельбю идетъ,
Батюшки!
А гелбыецъ нѣмца бьетъ,
Матушки!
Съ колбасою австріякъ,
Батюшки!
Л на нѣмцевъ серблякъ,
Матушки!
А россейскій нашъ народъ
Батюшки!
И япошка гонить флотъ,
Матушки!
Колбасу гнуть въ три дуги,
Батюшки!
Нѣмецъ пляшеть въ три ноги,
Матушки!

6. Нѣмчера совѣтъ зазнался.
Своей силой похвалялся.
Иха, оха, иха, оха,
Видно, будетъ дѣло плохо.
„Никого я не боюся,
До Россен доберуся“.
Иха, оха, иха, оха,
Дѣло будетъ больно плохо.

Сталь воиною онъ грозиться,
А на эфто русскій злится.
Иха, оха, иха, оха,
Нѣмцу будетъ очень плохо.
До Россеи онъ добрался,
Да въ однихъ порткахъ остался.
Иха, оха, иха, охъ,
Братцы, нѣмецъ нашъ подохъ!

7. Какъ пришли мы за границу
Въ Истербургъ тотъ городокъ,
А у нѣмца усть — что спица,
Онъ кричтъ, что силы „охъ“.

Наши „бабушки“ чихнули,
Заперхалъ нашъ пулеметъ,
Полетѣли съ ружьевъ пули,
Подвело нѣмцу животъ.

Руки кверху, морда кисла,
Инъ не сладко воевать,
Будешь долго помнить Вислу
И россейску нашу рать.

8. Подобрали нѣмцы штанцы.
Грѣхъ какой!
Побѣжали къ царю Францу:
Эхъ ты ну!
Побросали ружья, пушки,
Грѣхъ какой!
Растеряли все онучки,
Эхъ ты ну!

9. Сучья дочь Германия
Съ древнимъ Австрии хрычомъ.
Чорта съ два компанія
Къ намъ попала слѣпачомъ.
- Чай зѣники залила пивомъ.
Не туда полѣзли вы...
Съ некрасивымъ очень видомъ,
Обернетесь посль вы.
10. Нѣту, нѣту фонаря
Вѣшать иѣмскаго царя;
Мы его возьмемъ живьемъ.
Ротъ-то проволкой запьемъ,
Усы сбреемъ тесакомъ,
А чесать будемъ штыкомъ.
11. Государевымъ приказомъ —
Всѣ казенки къ шаху разомъ, —
Нѣть вамъ, пьянницы, вина, —
Теперь съ Германіей война!

Эхъ, какъ казеночку закрыли —
Всѣ пьянчуги завонили:
Изъ-за подлого иѣмца
Не выпьешь рюмочки винца!

Какъ на наше иныѣ горе
Всѣ казенки на запорѣ,
Нѣть ни пива, ни вина.
Только съ Германіей война.
У насъ казеночку закрыли,

Я объ ней не заревлю,
Нопаду когда въ солдаты —
Всѣхъ германцевъ изрублю.

Теперь казеночку закрыли,
Будемъ денежки копить;
Пойдемъ за родину сражаться,
Чтобы Германию побить.

ДОБАВЛЕНИЕ

БЛАГОВЪСТЬ БОЯ.

Я слышу, какъ въ пустынѣ темной,
Гдѣ полночь ширить свой шатерь,
Надъ бездной благовѣсть объемный
Заводитъ съ Богомъ разговоръ.

Водоворотное стремленье
Враждебныхъ полчищъ пронеслось, —
И выше грома пушекъ — пѣнье,
И ярче крови — росы слезъ.

Пусть Дьяволъ брани бьеть въ свой бубень,
Багровя битву и пожаръ, —
Призывъ отъ Бога многотрубенъ,
И правый мечъ несетъ ударъ.

Надъ взбудораженною тучей,
Надъ миллионной грудой тѣль,
Я слышу колоколь могучай, —
Онъ въ дни невзгодъ всегда гудѣлъ.

Кипи же, страшная стихія,
Въ войнѣ да выкипить весь ядъ, —
Когда заговоритъ Россія,
То громы Неба говорять.

К. Бальмонтъ.

ПЕРЕДЬ ГЕРМАНСКИМЪ ПОСОЛЬСТВОМЪ.

Оно вздымалось глыбой сѣрой
И въ бѣломъ сумракѣ ночномъ .
Казалось сказочной химерой,
Тяжелымъ и недвижнымъ сномъ.

[ва гладіатора держали
Коней желѣзныхъ подъ узды
И терпѣливо выжидали
Побѣду, славу и вѣнцы.

Предъ ними высился Исакій.
На площади кипѣлъ народъ,
Мелькали съ пиками казаки,
Шелъ съ музыкой гвардейскій взводъ.

Царь - прадѣдъ въ шишакѣ крылатомъ
Какъ будто дѣлалъ ратямъ смотръ,
А тамъ, нальво за Сенатомъ,
Летѣлъ съ подъятой дланью Петръ.

И лица дерзкия нахмуря,
Коней держали два врага
И ждали, что людская буря
Затопить смутой берега.

Когда же вспыхнула пыль военный
Въ сердцахъ, какъ миллионъ огней,
Они низринулись мгновенно
Съ надменной высоты своей.

Нѣтъ. Лишь царскій прадѣдъ мчится
Попрежнему въ сияньи латъ.
Попрежнему Петра десница
Благословляетъ Петроградъ.

Нашъ исполинъ, нашъ триумфаторъ,
Какимъ величьемъ блещетъ онъ!
Пади, германскій гладіаторъ!
Останови коней, тевтонъ!

Борисъ Садовской.

БОЛГАРАМЪ.

Болгары! Кровь зоветъ къ отвѣту...
Предательства не утаить.
Славяно-русскому завѣту
Ужель не быть?

Иль все забыто? И не видень
Со стѣнъ Софии Петроградъ?
И гнетъ Стамбула не обидеинъ?
И Сербъ — не братъ?

Иль ваша честь врагамъ послушна?
И крови, пролитой за васть,
Вы устыдились малодушино
Вѣ кровавый часъ?

Вѣ кровавый часъ пылаеть грозно
Россіи вѣщая любовь.
Болгары! Братья! Будеть поздно.
Отмститеся кровь.

Сергѣй Маловскій.

ВОСКРЕСШИЕ БОГАТЫРИ.

Я видѣлъ сонъ...

Подъ гулъ громовъ
Распались древніе курганы,
И встали — жизнью осияны —
Богатыри былыхъ вѣковъ.
Сыны сѣдой Руси былинъ,
Могилъ овѣянные снами,
Поднялись тяжкими стопами
На вольный свѣтъ родныхъ долинъ.
Грозой имъ очи ослѣпило
На мигъ одинъ, но въ тотъ же мигъ
Въ глубь ихъ сердецъ огонь проникъ,
И въ нихъ зажглась живая сила.
Старикъ Илья, Алеша-младъ,
Потокъ Михайло, свѣтъ-Добрыня,
Съ тысячелѣтней выйдя скрыни.
На Русь родимую глядять.
Имъ не итти по раздорожью,
Предъ ними — древнихъ былей степь,
Въ нихъ та же удасть, та же крѣпъ,
Въ нихъ цѣло все во славу Божью...

Стоять конь-о-конь кони ихъ,
Бокъ-о-бокъ съ ними, бьютъ копытомъ
Да удила грызутъ сердито,—
Ждутъ новыхъ схватокъ боевыхъ.

На коней сѣли побратимы,
Колчаны стрѣлами полны,
Мечи по ножнамъ вложены,
И копья ихъ непреломимы,
Изъ-подъ нахмуренныхъ бровей
Матёръ-казакъ снопъ молний мечеть,
Княжой охоты старый кречеть
Грозовыхъ черныхъ тучъ темнѣй.

— Неладно чтой-то, мнѣ сдается,—
Ведеть онъ самъ съ собою рѣчь:—
Не видно ворога, а мечъ
Изъ ноженъ прочь вотъ такъ и рвется!..

— Откуда громъ — тамъ и враги! —
Къ Ильѣ Поповичу держитъ слово.
— Съ закату онъ, — Потокъ сурово
Молвъ молвить: — Богъ обереги!..

Добрыня — слѣдомъ: — Что жъ, съ закату.
Съ восхода ль врагъ — не все ль равно...
Поднялись мы — такъ суждено
Острастку дать намъ супостату!..

— Гей! — кликнула Муромецъ сѣдой:—
Кто въ полѣ живъ изъ братьи нашей?...
За нами — пить кровавой чаши
Въ честномъ бою за край родной!..

И, слившись въ откликъ перекатный.
Отозвалась на кличъ Ильи
Всѧ ширь, вся даль, вся глубь земли:
— Вѣтъ за тобой на подвигъ ратный!..

Глядитъ старикъ: полнымъ-полна
Вся воля-степь богатырями, —
Пройдутъ однѣ, звеня мечами,
Вослѣдъ--еще дружинъ волна:
Отъ ржанья конскаго и гула
Не слышно рокота громовъ, —
Ведетъ на западныхъ враговъ
Самъ Селяниновичъ Микула
Всѣхъ, сохи бросившихъ, сыновъ.

Сонъ—въ руку: лютый врагъ съ заката
Родные рушить алтари;
Русь бьется съ нимъ... Богатыри,
Богъ помочь! Наше мѣсто свято!..

Аполлонъ Коринфский.

У Т Ъ И С Е Н И Е.

Самъ Михаилъ Архистратигъ
Его зачислилъ въ рать свою.

Н. Гумилевъ.

Вѣстей отъ него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
Въ объятой пожаромъ, скорбной Польшѣ
Не найдешь могилы его.

Пусть духъ твой станетъ тихъ и покоенъ,
Уже не будетъ потеръ:
Онъ Божьяго воинства новый воинъ,
О немъ не грусти теперь.

И плакать грѣшино, и грѣшино томиться
Въ миломъ, родномъ дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Анна Ахматова.

Цѣна два рубля.

200

чистая выручка съ издания—
на помошь польши.